

Фильберт П. А.

# **Воспоминания рядового минометчика**

Волгоград  
2015

ББК 63.3(2)622ю14  
Ф57

Материалы подготовлены при содействии школьного музея боевой славы 140-го миномётного полка и 20-й мотострелковой дивизии муниципального образовательного учреждения средняя общеобразовательная школа № 14 Ворошиловского района г. Волгограда и туристического путеводителя по Волгограду и Волгоградской области «VolgogradGuide.ru».

Руководитель проекта **Парыгин Д.С.**

**Фильберт, П.А.**

**Ф57** Воспоминания рядового минометчика [Текст] / П.А. Фильберт – Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2015. – 96 с., [8] л. ил.  
ISBN 978-5-98424-183-0

**ББК 63.3(2)622ю14**

ISBN 978-5-98424-183-0

© Фильберт П.А., 2015  
© Оформление «ПринТерра-Дизайн», 2015

## *Дорогие читатели!*

Вы держите в руках книгу «Воспоминания...» рядового солдата Великой Отечественной. Он один из многих, приблизивших святой для нас всех День Победы.

Скоро мы будем праздновать его в семидесятый раз. К сожалению, тех, кто защищал от фашистских захватчиков нашу Родину, становится всё меньше с каждым днём. Ветераны уходят, но память об их подвиге живет в нас, их потомках. Надеюсь, что в сохранении этой памяти есть заслуга и моего отца – автора этих «Воспоминаний...». Фильберт Петр Александрович ушел из жизни вскоре после их написания. «Записки» предназначались для однополчан, их родных и близких.

Я родилась после войны и знаю о ней по рассказам моих родителей, коренных сталинградцев, по книгам и фильмам. «Воспоминания...» отца я перечитывала не раз.

Не перестаю удивляться тому, как самые обычные люди, созданные для мирной жизни, смогли найти в себе силы, чтобы месяцами, годами выдерживать нечеловеческое напряжение фронтовой жизни.

Мой отец до начала Сталинградской битвы не был на фронте: ему было уже за тридцать лет, да и здоровье было неважное. До этого закончил институт в Киеве, был умным, скромным, образованным человеком. Любил поэзию, особенно стихи Есенина и Некрасова, многие помнил наизусть. Любил петь украинские и русские песни, романсы (у него был очень хороший голос). В общем, был невоенным человеком. Но война все резко изменила: надо было брать в руки оружие, чтобы защищать свою родную землю, город, свой дом и семью...

Мама сохранила «треугольники» – письма от папы с фронта. В них ненависть к врагам, тревога за близких, любовь и душевное тепло, а еще вера в победу и долгожданную встречу.

Я горжусь своим отцом, рядовым великой Победы, и благодарна ему за жизнь и его вклад в победу нашего народа.

Очень хочется верить, что подвиг отцов и дедов в борьбе с фашизмом был ненасправен.

Постарайтесь сохранить мир и нашу Родину!

*С уважением,  
Фильберт Лариса Петровна*

## *Дорогие друзья!*

Вы держите в руках не просто книгу, а имеете возможность прикоснуться к части истории нашего великого народа-освободителя, истории, которую в последнее время пытаются нам пересказать в контексте текущей политической ситуации в мире. В годы Великой Отечественной войны советским людям (а я уверен, что в современном постсоветском пространстве нет ни одной семьи, которую бы не затронула война) выпало четыре года нечеловеческих испытаний, на фоне которых меркнут все сегодняшние экономические и политические трудности. И только любовь к своей Родине, родным и близким людям, а также сплочённость вокруг общей цели – не допустить врага на свою родную землю, позволили нашим героическим предкам выдержать адские испытания голодом, холодом, бессонницей, болезнями, разлукой с любимыми и смертью близких.

Как появилась на свет эта книга. Мой прадед Мазин Павел Михайлович служил в 140-м миномётном ордена Александра Невского полку сначала наводчиком миномёта, а потом командиром расчёта и прошёл боевой путь с сентября 1942-го по ноябрь 1945 г. О нём автор несколько раз упоминает в данной книге. После смерти прадеда в 1986 г., когда мне было 12 лет, супруга прадеда – моя прабабушка Мазина Екатерина Никитична передала мне в память о дедушке рукопись его однополчанина Фильберта П.А. Это была одна из пяти копий, отпечатанных на машинке, которую автор раздал своим однополчанам. Я по детской наивности отправил эту рукопись по почте в одну из газет Волгограда с просьбой напечатать её в одном из номеров или издать книгу. Так я потерял свой экземпляр рукописи... После смерти прабабушки в 2002 г. мне были переданы все медали прадеда, орден Красной Звезды, а также документы на них, военный билет и красноармейская книжка. Они до сих пор хранятся у меня, напоминая о моих героических предках, и позволяют мне гордиться ими. Чем старше я становился, тем навязчивей была идея издать эту книгу в память о прадеде, а также всех его однополчанах. Ведь, в том числе, благодаря их подвигу я сейчас живу в Великой стране и пишу эти строки. Я начал искать следы потерянной рукописи, благо современные способы поиска позволяют это

легко делать. На одном из ресурсов в Интернете я нашёл ссылку на интересующую меня книгу, но её поиски ни к чему не привели: ни в одной библиотеке, ни в школьном музее им. 140-го миномётного полка самой книги не было. Огромную помощь в её поиске оказали мне мои друзья – Савенков Алексей и Бирюкова Нина, – благодаря которым была найдена дочь автора книги Фильберт Лариса Петровна, которая живёт в Волгограде, и у неё сохранился оригинал рукописи, подаренный её отцом! Лариса Петровна любезно согласилась на издание этой книги в память об отце. Я решил издать книгу за свой счёт, и сейчас у меня появилась такая возможность. Также я решил, что данная книга не будет нигде продаваться, а будет передаваться всем желающим, моим знакомым и партнёрам по бизнесу, в библиотеки, музеи и т.п. Издание книги совпало с 70-летним юбилеем великой Победы советского народа над фашистскими захватчиками, что, согласитесь, очень символично.

В книге нет захватывающих сюжетов, написана она очевидцем событий по прошествии более 30 лет со дня Победы по памяти, но в ней есть много интересного как для специалистов, так и для всех, кому небезразлична тема любви к Родине и её истории. В ней много интересных фактов, подкупающих своей правдивостью и достоверностью. В ней дух тех дней, в ней наша память, в ней наша гордость. Если кто-то найдёт в книге что-то полезное для себя, буду очень рад. Приятного чтения!

P.S. Ещё раз благодарю:

Бирюкову Нину за работу над книгой, за дизайн обложки и фотографии. Нина, ты – лучший волгоградский дизайнер!

Савенкова Алексея за поиски рукописи, за помощь в издании книги, за профессиональные советы, за то, что «зажётся» моей идеей. Спасибо!

С уважением ко всем воинам 140-го миномётного ордена Александра Невского полка,  
генеральный директор ООО «КонсультантПлюс: Липецк»  
Сидоров Алексей Викторович, 24.01.2015 г.

*«Для нас война – не история. Это часть нашей биографии»  
Сергей Смирнов*

## I. ДЕТСТВО. ШКОЛЬНЫЕ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Я родился в г. Дубовке Сталинградской области в 1909 году в семье служащего. Детские годы у меня прошли в Дубовке, а школьные – частью в Дубовке, а большая часть в Царицыне и Сталинграде. Семья в 1919 году переехала в Царицын, и я здесь продолжил образование, сначала в семилетней школе им. А.С. Пушкина, а потом в девятилетней школе им.Ф.М. Достоевского.

Первую школу я окончил в 1925 году, а вторую – в 1927-м.

Помню, что в эти годы в городе была безработица, и нашей семье в 7 человек при одном кормильце материально жить было тяжело. Правда, помогали старший брат Евгений и сестра Катя, но все равно, окончив среднюю школу, я сейчас же пошел искать работу, чтобы как-то облегчить положение семьи.

С большими трудностями, с помощью отца, мне удалось устроиться табельщиком в строительный цех лесозаводов им. Куйбышева в Ельшанке. Жили мы в ту пору в Ворошиловском районе, около колхозного рынка. Тогда трамваи в Ельшанку еще не ходили, и люди на работу – расстояние около 3-х км – вышагивали пешком. Помню, что мать меня будила за час-два до начала работы, чтобы я успел наскоро поесть и дойти до лесозавода.

Молодость, огромное желание помочь отцу, которого все мы – четыре брата и сестра – очень любили, вдохновляли меня на преодоление трудностей. В 1928 году я вступил в профсоюз деревообделочников. Это было событие в моей жизни, я становился на самостоятельные ноги.

Моим родителям и мне самому очень хотелось получить высшее образование. В то время при поступлении в вузы предпочтение отдавали лицам, которые пришли с производства. Таким образом, моя работа в стройцехе заводов им. Куйбышева, помимо всего прочего, давала мне некоторые льготы при поступлении в институт.

В 1928 году я поступил в Горский сельскохозяйственный институт во Владикавказе, а в 1930 году взял перевод и уехал в Киев, поступив в Киевский лесотехнический институт.

Учиться мне пришлось вместе с братом Сашей, который годом позже меня поступил в художественный институт.

В 1934 году я успешно закончил КЛТИ, защитил диплом по квалификации инженера-лесомелиоратора. Неожиданно осуществилась моя заветная мечта – получить образование в Киеве, городе, о котором я раньше много слышал вполне справедливых, восторженных слов.

Надо сказать, что высшее образование я получил не так легко и просто, как получают его сейчас, в 70-е годы. Пережить страшный голод в 1932–1933 годах, когда отдельные студенты бросали институт и уезжали домой, это совсем непросто. Учиться-то было легче, но жить материально куда тяжелее, чем в 60–70-е годы.

Итак, позади все волнения, переживания, диплом в кармане, и мы, полные самых радужных надежд, разъезжаемся кто куда.

Я приехал домой, и после короткого отдыха поступил в Городской трест зеленого хозяйства прорабом по озеленению города. Однако эта работа была временной, и после таких же мест работы в других организациях, где мне долго не пришлось трудиться, я в 1937 году перехожу на железнодорожный транспорт, которому отдаю лучшие годы своей жизни.

В то время специалистов с высшим образованием было мало, и устроиться на работу было значительно проще и легче, чем в 60–70-е годы. На транспорте на производстве я работал всего два года, и вскоре меня назначили на руководящую должность в Управление Сталинградской железной дороги в службу пути. Конечно, работать было нелегко, но отказываться от повышения в должности было нельзя, так как специалистов с опытом работы было недостаточно.



## II. НАЧАЛО ВОЙНЫ

В 1940 году, в мае месяце, я женился на Сметаниной Кире, и с тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью моей супруги. Ровно через год мирная жизнь нашего народа была нарушена вероломным нападением гитлеровской Германии на нашу страну, и советские люди сменили орудия труда на винтовки и автоматы.

В зиму 1941–1942 гг. мне пришлось вместе с тысячами таких же, как и я, жителей города работать на создании оборонительных сооружений в районе ст. Абганерово. Хотя враг был еще далеко от нас, но темпы, с которыми он продвигался вглубь страны, настораживали и заставляли готовиться к худшему – к обороне нашего города. Правда, в то время как-то не верилось, что фашисты дойдут до Волги: уж очень это было далеко от нашей западной границы.

Жить мне пришлось в с. Абганерово. Разместили нас по домам, спали мы на полу, прижимаясь, чтобы было теплее, один к другому.

Стояли холода, морозы, и земляные работы приходилось вести с помощью ломов, кирок. Рыли мы противотанковые рвы, доты, соты (скрытые огневые точки) и др. Было трудно, но мы знали, что труднее приходилось нашим бойцам на фронте. Поэтому мы изо всех сил старались выполнять дневные задания. Сделали мы много и хорошо – все, что мы создали, пригодилось нашей армии в последующих боях. Враг был остановлен около наших рубежей и понес большие потери.

Весь 1942 год до 23 августа, до трагического дня для нашего города, мы жили в каждодневной тревоге. Самолеты-разведчики фашистов не один раз летали в июне, июле месяце над городом, как стервятники, высматривая свою добычу. И вот наступило 23 августа, памятное каждому сталинградцу, если он остался живым. Помню, что день выдался жарким, с утра солнце начало нещадно палить. Часов в 9 утра над городом появились армады фашистских бомбардировщиков и началась варварская бомбежка родного города.

С методической точностью фашисты обрушивали смертоносный груз на мирных жителей Сталинграда. Видно, что свою преступную работу гитлеровцы осуществляли по квадратам, разрушая и сжигая все, что было создано трудом тысяч людей за многие годы.

С горечью мы видели, что фашистские летчики почти безнаказанно разрушали город, т.к. зенитных средств было недостаточно, а авиации нашей было мало, и она не могла дать отпор наглым вражеским стервятникам.

**30 августа 1942** года было воскресенье. По городу были развешены приказы Комитета Оборона, по которым мужчины, способные носить оружие, независимо от того, имеют они бронь или нет, должны были явиться на сборный пункт в горсад. Мы с братом Миной имели бронь (Мина работал на тракторном заводе слесарем-лекальщиком), но все равно быстро собрались, простились со своими близкими и пошли в горсад.

### Ш. СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

В этот день фашисты не бомбили город, и мы шли по улицам обезлюдевшим, пустынным: жители прятались в щелях, подвалах домов. Добрались до горсада благополучно, и там уже было много горожан, ожидавших отправки в части. Мы с Миной попали вместе в 53-й запасной полк, а вечером нас погрузили на паром, и мы переехали через Волгу в Красную Слободу, а оттуда шли километров 5–6 до 53 зап. (а). Из 53 зап. (а) мы – большая группа сталинградцев – влились в 140-й минометный полк, который вновь формировался за Волгой. Как потом мы узнали, первое формирование 140-го минометного полка на подступах к Сталинграду попало в окружение и почти полностью погибло. Из окружения вышла небольшая группа военнослужащих со знаменем, и поэтому из нас, сталинградцев в основном, сформировали 140-й минометный полк однодивизионного состава. Позже, где-то на Украине, к нам влился второй дивизион, и в последующем полк вел все время боевые действия в составе двух дивизионов.

Довольно быстро, чего требовала обстановка, нас распределили кого куда, кто стал огневиком, кто связистом, а кто попал в разведку. Нам выдали обмундирование: панамы, гимнастерки, брюки, ботинки с обмотками. Мы стали военными.

Ускоренно нас обучили правилам ведения огня из 120-миллиметрового миномета, и уже 10 сентября 1942 года мы выехали на первые огневые позиции, что находились около хутора Бобыли, против кожзавода. Входили мы в состав 64-й Армии, а огонь вели по Ельшанской балке, по которой гитлеровцы вышли к Волге. Я на первых огневых был связистом и старался лучше узнать эту нужную работу, без которой огневику нельзя было стрелять по противнику. Без надежной связи ни один род войск не может вести эффективные боевые действия. Первые огневые позиции не были особо примечательными для нас, да и находились мы на них чуть более двух недель. Можно сказать, что на первых огневых мы, все новоиспеченные воины, закрепляли свои военные знания, получали боевое крещение.

Можно рассказать об одном эпизоде, который как раз подтверждает, что воины мы были неопытные, необстреленные.

В один из погожих дней наши ребята, свободные от ведения огня, постирали свои портянки, белье и развесили все это на кустах, забыв о том, что противник наблюдает за нашим берегом. Не успели молодые воины отойти от кустов с развешанным бельем, как немцы тотчас же засекли место, где мы находились, и дали огневой налет по нашему расположению, благо, обошлось без потерь, но все учли, что маскировка должна быть самая тщательная, где бы мы ни находились.

Вскоре, по приказу штаба фронта, наш полк резерва Главного командования был переподчинен и нас перебросили на очень ответственный участок фронта, где бои шли особенно ожесточенные. Батареи наши развернулись около озера Денежного, против завода «Красный Октябрь», и вошли мы в подчинение 62-й Армии. Это было 6 октября 1942 года, как раз в те тяжелые дни, когда враг с особым упорством, не считаясь с потерями, стремился захватить наш город. Вместе с нашим полком за Волгой находилось много артиллерийских частей, которые все подчинялись командующему артиллерией 62-й Армии генералу Пожарскому.

На вторых огневых позициях мне довелось работать в штабе полка, занимая должность писаря. Наш маленький коллектив штаба, состоящий из пяти человек, делал очень большую и важную работу. Я не включил в состав штаба полка начальника майора Демченко, который очень мало бывал в штабе, большей частью находясь или на наблюдательном пункте, или на узле связи взвода управления полка, или в батареях.

Жил он тоже не в нашем блиндаже, и видели мы его редко, как и командира полка майора Орлова, поэтому и сказал о пяти работниках штаба – это ПНШ (помощник начальника штаба) Н.А. Архипович, завделами штаба А.М. Титков, ст. писарь В.Г. Гичкин, писарь П.А. Фильберт и разведчик Ф.П. Басов. Вот эта пятерка штабных работников вершила всю штабную документацию, вела все штабные дела.

Душою нашего штаба был старший лейтенант Н.А. Архипович, впоследствии начальник штаба и майор по званию. Всегда веселый, жизнерадостный, большой шутник и сердечный, добрый человек – таким он остался на всю жизнь в моей памяти.

Штабную работу он знал отлично, поэтому впоследствии и стал начальником штаба полка.

Завделами полка А.М. Титков был хорошим помощником ПНШ, работу штабную любил, а с нами, рядовыми, как и Н.А. Архипович, был прост и никогда не старался показать, что он старший по званию и должности.

Ст. писарь В.Г. Гичкин, бывший счетный работник завода «Красный Октябрь», легко «вписался» в штабную работу и делал ее аккуратно и основательно.

Ф.П. Басов был художник по образованию, он помогал оформлять боевую документацию. В прошлом он знал моего брата Вячеслава, тоже художника, и поэтому сразу мы сблизились с ним.

Работали мы дружно, старательно и добросовестно. Подгонять никого не приходилось.

Что же делал штаб полка, какую он выполнял работу?

Прежде всего штаб готовил боевую документацию для батарей, устанавливал цели, сектора для ведения огня батареями и др. Затем каждый день мы давали в штаб армии строевую записку, в которой указывалось количество рядового, сержантского, офицерского состава, это для снабжения полка продовольствием. Далее нам приходилось вести журнал боевых действий полка, сводя для этого боевые донесения батарей. Мы также вели книгу потерь личного состава, вписывая выбывших по ранению и погибших.

В последнем случае мы сообщали семьям о том, где погиб воин и где он похоронен. Это была наша самая тяжелая обязанность.

И наконец, штаб полка готовил наградные материалы, а также аттестационные на присвоение очередных воинских званий.

Дела всегда хватало, и работали мы с утра и часов до 11 вечера.

Наш блиндаж штаба полка находился метрах в 200 от берега Волги, а батареи были сзади нас метрах в 50, т.е. мы были к противнику ближе, чем батареи, и наши мины летели через нас в сторону врага.

Как я указывал выше, на левом берегу Волги вместе с нами находились десятки артиллерийских частей и соединений, которые в нужный момент по приказу командующего артиллерией 62-й Армии обрушивали смертоносный металл на головы фашистов, особенно в дни яростных атак противника.

Были здесь и «катюши». Огромную помощь нашим пехотным дивизиям, сражающимся в городе, оказывали артиллеристы левого берега,

о чем очень хорошо рассказывает командарм 62-й Армии маршал Советского Союза В.И. Чуйков в своей книге «Начало пути».

Конечно, гитлеровцы хорошо знали о том, откуда летят на них снаряды и мины, и поэтому с большим ожесточением обстреливали весь лес, стараясь нанести нам большие потери. Весь день нас то бомбил, то обстреливал противник. А ночью немцы вели беспокоящий огонь по площадям, чтобы не дать нашим воинам нормально отдыхать. Каждый день мы несли потери или убитыми или ранеными. За месяц боев на озере Денежном наш полк потерял личного состава больше, чем за весь боевой путь от Волги до Австрии. И еще деталь. Под Сталинградом наш полк был на конной тяге, и в начале боев по приказу командира полка всех лошадей, чтобы сохранить, поместили на огневых позициях в траншеи, специально вырытые в песчаной почве. Буквально на другой же день, во время очередной бомбежки балочки, в которой стояли лошади в траншеях, всех их побило. Пришлось лошадей держать в полковых тылах, это в 3–4 километра от огневых позиций батарей.

И еще интересный штрих. Командиру полка однажды захотелось, чтобы продовольственные склады полка были бы рядом с батареями, и он отдал приказ переместить их к озеру Денежному. Только вечером склад переехал на новое место, вырыли для него траншеи, как на следующее утро немцы пробомбили расположение склада, и от продуктов ничего не осталось.

Пришлось склад вернуть на прежнее место, где он был раньше, т.е. в тылы полка.

Наш завделами штаба А.М. Титков был немного поэт и он в то время, в октябре 1942 года, написал стихотворение «Воспоминание», которое интересно привести здесь. В этом стихотворении с большей долей юмора автор рассказывает о том, как мы жили и работали в штабе в те суровые дни.

Кто не запомнил из нашего штаба  
Озера Денежного всю «красоту»,  
Когда под жужжанье чугунного града,  
В душе мы таили мечту.  
Забыть ли моменты такие «чудесные»,  
Когда начинался обстрел,

Как грустно, смотря на дрожащие балки,  
К стене прижимался завдел.  
А вспомните вид, когда мины взрывались,  
Как наш ПНШ тут сидел  
И будучи бледным вообще от природы,  
Порою сильнее бледнел.  
Забыть ли те темные, длинные ночи,  
Когда от разрывов весь воздух стонал,  
Забыть ли Басова грустные очи,  
Когда он в проходе сидел и дрожал.  
А вспомните утро, штабные работы,  
Жалею, что я не считал,  
Как часто, макая в чернильницу ручку,  
Наш Фильберт в нее не попал.  
А сколько вырвалось крепких проклятий,  
Среди тех песчаных траншей,  
Где Гичкин, снявши со злостью рубашку,  
Бил с матом испуганных вшей.  
Иль вспомните лучше начальника штаба,  
Когда он к «липке» напрасно зывал,  
И, провожая потоками брани,  
В «липу» здоровые колья кидал.

Что говорить, конечно же, стихи нашего завделами далеки от совершенства, но в них есть одна примечательность: ведь писались они в то время, когда было не до шуток и юмора. Но уж такова особенность русского солдата, что он в любых ситуациях сохраняет присутствие духа и способность шутить.

В начале своего стиха завделами пишет, что «в душе мы таили мечту». Какая же это была мечта? О чем в ту пору мечтали все советские люди? Это поскорее бы разгромить врага, изгнать его из пределов своей Родины и снова зажечь мирной жизнью. Чтобы приблизить вот этот час, каждый на своем месте старался делать все, что было в его силах.

В стихотворении пишется о начальнике штаба, что он в «липу» колья бросал. «Липа» – это позывной узла связи взвода управления

полка, который находился рядом с блиндажом начальника штаба. Вот и бывало, что начальник штаба майор Демченко звонил долго на узел связи «Липе», а она не сразу отвечала. Вот поэтому и доставалось «Липе» от начальства.

Мужественно, отважно и умело сражались на вторых огневых позициях наши минометчики-связисты, разведчики, огневики в те памятные дни октября месяца 1942 года. Особенно хочется с большой теплотой вспомнить наших героических связистов, которые не один раз, в самые напряженные моменты боев, под бомбежкой и обстрелом восстанавливали линии связи, чем обеспечивали бесперебойное ведение огня по врагу. Вот один из довольно частых эпизодов тех дней. Наблюдательный пункт (НП) командира дивизиона и командиров батарей находился в городе, на правом берегу, вместе с командирами стрелкового полка. С НП наши офицеры-минометчики корректировали огонь батарей. Проводная связь огневых позиций с НП была проложена через Волгу и поэтому часто порывалась в результате бомбежек и артиллерийского обстрела. Много хлопот доставляли эти частые порывы начальнику связи дивизиона ст. лейтенанту Тушнову С.М.

**14 октября 1942 года**, в день, когда немцы при поддержке больших сил танков и авиации пошли в атаку, когда необходимо было отсечь немецкую пехоту от танков, и для этого наши батареи вели огонь, неожиданно нарушилась связь НП с огневыми. По приказу ст. лейтенанта Тушнова С.М. на линию вышли связисты Баканов В. и Краснов А. Сев в лодку, наши отважные воины, взяв провод в руки, отправились от левого берега к правому. Предстояло заменить весь провод, протянутый по дну Волги. Как только лодка стала приближаться к середине Волги, немцы заметили ее и открыли по ней ураганный огонь из орудий и минометов. Фонтаны воды возникали то справа, то слева лодки, а наши смелые воины продолжали продвигаться вперед до тех пор, пока не достигли правого берега и не соединили свой конец провода с тем кабелем, который был на правом берегу Волги. Снова по телефону стали передаваться команды, и огонь батарей стал прицельным. Как не обстреливали фашисты лодку, но, к счастью, обычно наши товарищи благополучно достигали левого берега. В другой раз тоже отважно, самоотверженно



действовали наши другие связисты – Фирсов В. и Лихачевский В., Щербина Б. и Штурнов И., Текутов А. и Никольский С., восстанавливая линию связи через Волгу.

**8 октября 1942 года** исправляя линию связи в районе огневых позиций у озера Денежное, пал смертью храбрых телефонист Салтыков И.Г. Тогда на линию вышел связист Малышев В., который передвигаясь где в рост, где ползком, рискуя жизнью, отыскал место порыва, восстановил связь, дав возможность батарее вести огонь по врагу.

**23 октября 1942 года** на правом берегу в городе во время ведения огня нарушилась связь НП с огневыми позициями. Тотчас же на линию вышел мл. сержант Крамаренко Н.И., которому не удалось выполнить боевое задание, вражеский снаряд сразил героя. За ним пошел связист Петросян Г., который, передвигаясь под разрывами мин и снарядов, отыскал место порыва и устранил неисправность, дав возможность батареям отражать огнем атаки гитлеровцев.

**4 ноября 1942 года** в районе озера Денежное как обычно наши батареи стреляли по заявкам пехоты, и на какое-то время нарушилась связь огневых с НП. На исправление вышел связист Тучин М.Д., он быстро побегал по линии и ему оставалось до места порыва каких-то 10 метров и в этот момент вражеская мина насмерть сразила героя. Тогда на линию был послан товарищ погибшего, Каменщиков М., который сделал то, что не смог сделать его однополчанин. Связь была восстановлена и батареи продолжали ведение огня.

В этот же день 4 ноября 1942 года, исправляя линию связи в районе озера Денежное, пал смертью храбрых связист Шевченко Н. Вслед за ним был послан воин Дубин Ю., которому удалось устранить порыв и обеспечить эффективный огонь минометов.

Так героически сражались с фашистами отважные связисты.

Здесь следует рассказать о трагической гибели командира I-го дивизиона ст. лейтенанта Кокошвили К.П. и начальника разведки полка ст. лейтенанта Логачева. 4 ноября 1942 года в овраге Банный, в районе завода «Красный Октябрь» был оборудован наблюдательный пункт командира дивизиона. Только одну ночь в этом блиндаже провели наши офицеры. Утром 5 ноября 1942 года фашисты обрушили на город тысячи бомб, и одна из них разорвалась во входе в блиндаж,

и его обитатели были похоронены обвалившейся землей. На смену павшим Героям стали новые воины, и борьба с врагом продолжалась.

Как и связисты, мужественно и стойко действовали разведчики полка. Весь октябрь месяц напряженных боев в городе они вместе со связистами и командирами батарей находились на наблюдательном пункте пехотных командиров, выявляя цели для ведения огня батареями. От их смелости и умения зависело своевременное подавление вражеских огневых точек и скоплений пехоты. Вот лучшие разведчики полка периода Сталинградского сражения:

Амиров Р.С., Кругляков П.Т., Петров К.В., Колшенский В.П., Золотухин Ю.С., Симонов И.М., Прилуцкий В.Я., Денисов М.П. и некоторые другие. Десятки целей, обнаруженные нашими отважными разведчиками, были уничтожены огнем минометов.

Столь же мужественно, самоотверженно громили врага огневики батарей, которые стреляли днем и ночью, под бомбежкой и минометным обстрелом. Слаженная, четкая, дружная работа всегда отличала огневые расчеты 1, 2 и 3 батарей полка.

**24 октября 1942 года** во время ведения огня по заявкам пехоты в расчете, где командиром был мл. сержант Шепелев В.А., пал смертью храбрых подносчик мин Цыкатунов К.Т. Тотчас же выбывшего из строя товарища заменил заряжающий Кондраков Г.В., и расчет продолжал вести огонь по врагу так, как будто ничего не случилось.

**25 октября 1942 года** то же самое произошло в огневом расчете сержанта Зайцева А.В., только здесь вышел из строя минометчик Гуляев М.И., осколком снаряда он был смертельно ранен. И в этом отделении выбывшего воина заменил его товарищ Турбин, и расчет продолжал ведение огня. И так было всегда – на место павших становились их товарищи, а мины продолжали лететь в стан врага.

**28 октября 1942 года** днем отстрелявшись расчет мл. сержанта Мазина П.М. пошел в укрытие. Только воины отошли от миномета, вражеский снаряд упал и разорвался рядом с плитой, сильно повредив ее. Еще бы минуту-две задержались товарищи, и некоторых из них не осталось бы в живых. Так было часто, враг непрерывно обстреливал огневые.

Несколько добрых слов нужно сказать о водителях автомашин полка, которые на стареньких «газиках» и «зисах» ухитрялись бесперебойно подбрасывать боеприпасы на огневые позиции.

**10 октября 1942 года** водитель полка Гольд Г.С. на своем видавшем виды «газике» вез на огневые мины, которые ждали как хлеб. По дороге из Средней Ахтубы машину заметил вражеский «мессер» и тотчас же начал пикировать на «газик». Нужно было сохранить хладнокровие, выдержку, не растеряться, что и сделал Гриша Гольд, свернув с дороги и поставив машину под ближайшие деревья. Построчив из пулемета фашист улетел, а мины были доставлены на огневые в целости и сохранности. Так действовали все водители, и все они заслужили самых добрых слов.

Чтобы составить себе ясное представление о том, как жили минометчики нашего полка в трудные дни октября 1942 года, достаточно привести здесь одну характерную выдержку из «Журнала боевых действий» первого дивизиона.

**«24 октября 1942 года** 1, 2, 3 батареи в течение ночи огня не вели. Вчера в районе НП убит разведчик первой батареи Зимин В.А. Ранен разведчик кр-ц разведки сержант Юдаев Н.П. В районе телефонной станции «Берег-3» убит начальник разведки дивизиона мл. лейтенант Бурлак В.В., командир отделения связи мл. сержант Крамаренко Н.И. В 23.00 на берегу Волги ранен кр-ц связи Григор В.К. В 6.10 1 и 3 батареи произвели огневой налет по наступающей пехоте противника. В 13.25 1 и 3 батареи произвели огневой налет по скапливающейся пехоте в районе водонапорной башни. Противник дрогнул и отступил. В 10.30 на ОП третьей батареи легко ранен кр-ц Лобян З.К., ему оказали помощь и отправили в госпиталь».

Когда мы получили приказ о перемене огневых позиций, все облегченно вздохнули. Это было 6 ноября 1942 года, предпраздничная дата запомнилась мне на всю жизнь. Если в начале октября месяца мы располагали свои огневые позиции батарей в лесу, то в начале ноября, когда мы покидали огневые, леса не было, остались лишь пеньки да изуродованные осколками деревья.

Солдатское радио донесло до нас радостную весть о готовящемся большом наступлении советских войск под Сталинградом. Нашему полку предстояло участвовать в артиллерийском наступлении.

Перебазировались мы в район села Солянка, что находится южнее ст. Тундутово (ныне ст. Волгодонская). Мы еще не знали о том, что силами трех наших фронтов будет осуществлено грандиозное наступление, которое завершится окружением крупнейшей вражеской группировки в районе Сталинграда. Все это мы узнали позднее, а пока, заняв огневые позиции возле села Солянка, наш полк начал готовиться к участию в мощном артиллерийском наступлении. Это было числа 8–9 ноября 1942 года. Нам стало известно, что мы будем поддерживать огнем морскую бригаду, которая также готовилась к штурму позиций румын, находящихся против нас. Все дни проходили в напряженной работе. Подвозили боеприпасы, выявляли цели противника и делали пристрелку их.

Наступило долгожданное, историческое 19 ноября 1942 года. Утром, часов в 8, было еще темно, по сигналу «катюш» (они обычно первые начинали артиллерийскую подготовку), начали свою работу наши минометы и орудия, которых было сосредоточено много около нас. Оглушив силой огня не ожидавших такого артиллерийского удара румын, наши героические моряки поднялись в атаку. Видимо неожиданный огневой шквал ошеломил противника, и первая траншея врага была взята без большого сопротивления. Румыны не приняли штыкового боя и сразу стали сдаваться в плен. Пленных румын было много, и вначале их конвоировали, а потом они группами по 3–4 человека сами стали направляться в сторону Сарепты. Наступление развивалось успешно, и мы на конной тяге не смогли успеть за отходящим противником, и по приказу командования нас оставили добывать окруженных в Сталинграде гитлеровцев (об этом нам стало известно позднее).

Помню, что бой разгорелся 22 ноября 1942 года за село Дыбенко, где немцы, засев в подвалах домов, оказали упорное сопротивление. После артиллерийским и минометным ударом гитлеровцев выбили из с. Дыбенко, и враг покатился дальше к станции Воропоново (ныне ст. М. Горького). И здесь с помощью «бога войны» – артиллерии и «катюш», гитлеровцев вышибли из ст. Воропоново, и они поспешно стали отходить к ст. Садовая. На ст. Садовую мы вошли днем 24 января 1943 года, и для штаба полка заняли блиндаж, только что оставленный гитлеровцами. Насколько поспешно

отходили немцы можно было судить по тому, что в блиндаже на столе мы увидели немецкую карту, а на стене висела одежда, которую не успели надеть гитлеровские вояки.

Все мы – сталинградцы – рвались в город, т.к. не знали о судьбе своих близких, которых мы оставили 30 августа. Ведь эвакуироваться из города мало кому удалось, многие никак не хотели покидать населенных мест, другие же не смогли выехать из города. Мы с Миной ничего не знали о матери, отце и его сестре, о моей супруге. В Садовой мы были мало и вскоре вошли на знакомую и родную Дар-гору, которую всю до тла сожгли гитлеровские варвары. Нам и здесь удалось остановиться в чудом уцелевшем деревянном домике, в котором, видно, был штаб какой-то немецкой части. Как сейчас помню, нас удивил беспорядок в доме, всюду грязно, в углах горы порожных винных бутылок, противогазов и прочего хлама. На другой день я отпросился у ПНШ и пошел на свое пепелище. Когда я подошел к месту, где жил, то с трудом по изуродованному дереву клена установил, где был наш дом и надворные постройки. Походил по двору, осмотрел щель, в которой спасались от бомбежки родные, и, когда случайно поднял кирпич на полочке щели, увидел кусочек пожелтевшей бумажки. Это была записка матери и жены о том, что они ушли в Ляпичево или Ростов. Эта записка как семейная реликвия и сейчас хранится где-то в наших бумагах.

Огневые позиции наших батарей располагались на Дар-горе в районе средней школы № 14, где в 1972 году мы открыли памятник-мемориал нашим погибшим воинам, а в самой школе комнату боевой славы полка. Наши минометы вели огонь по развалинам зданий, «выкуривая» из подвалов фашистов, подавляя последние очаги сопротивления врага.

Мне запомнился один эпизод, связанный с нахождением штаба полка на Дар-горе, на улице, название которой уже стерлось из моей памяти. В один из вечеров, это было где-то 26–27 января 1943 года, к нам в штаб часовой привел немца, он отбил от колонны пленных, и наш солдат часовой чуть не застрелил его. В темноте он подошел к домику штаба, часовой его окликнул, он что-то залопотал по-немецки, и в последний момент наш воин понял, что это пленный, и привел его в штаб. Перед нами был грязный,

заросший, худой, жалкий человек, который совсем недавно был солдатом гитлеровского вермахта. Может быть, и скорее всего, дней десять тому назад, он стрелял в наших, убивал их, но сейчас он был «лежачий», а у нас, у русских, лежачих бить не принято.

И русские люди, великодушные по природе своей, как-то в тот момент уже не питали к этому человеку враждебности, мы его накормили, он рассказал нам, что он из тогдашнего Кенигсберга, какой-то механик с лесозаводов. Он раздал нашим ребятам в знак благодарности, что мы его накормили, авторучку, перочинный ножичек, что-то еще из своих личных вещей. Смотря на этого немца, мы наверное думали, что нужно было вам, «чужоземцам незваным» в нашей стране? Зачем вы пришли к нам? Чего вам не хватало дома? Видимо посулы Гитлера и его приказы заставили вас идти в чужую страну, причинять горе и страдание людям. Всем нам, смотрящим на этого немца, его соотечественники сделали так много зла, что казалось невероятным, что мы нашли в себе возможность обогреть и покормить пленного. Отпустили мы его после и не знали, дошел ли он до лагеря для военнопленных?

Таких немцев мы видели в освобожденном Сталинграде тысячи, которые строем со своими командирами шли в Бекетовку, в лагерь для военнопленных.

Конечно же всех нас радовала великая победа наших войск под Сталинградом, и в ней мы видели начало других побед советского оружия в этой тяжелой войне.

Однако я забежал вперед, хотя по существу огневые позиции наших батарей на Дар-горе практически были последними. До 1 февраля 1943 года нашим войскам пришлось подавлять отдельные очаги сопротивления противника и к исходу этого дня враг сложил оружие.

**4 февраля 1943** года наш полк вместе с другими частями и соединениями участвовал в торжественном митинге на площади Павших Борцов, посвященном разгрому гитлеровских войск под Сталинградом.

Итак, победоносно завершилось великое сражение 20 века – Сталинградская битва, в которой довелось участвовать и минометчикам 140-го полка, от начала окружения и до конца, т.е. до полного разгрома армии Паулюса.

Мы горды тем, что в этой битве нам пришлось сражаться в легендарной 62-й Армии и поддерживать своим огнем героические гвардейские пехотные дивизии – 13, 39, действующие в городе.

Вскоре после окончания боев в Сталинграде, мы в штабе полка писали реляцию в штаб фронта о присвоении полку гвардейского звания. Помню, что реляция была аргументированная, убедительная, и думалось, как можно не согласиться с доводами, указанными в ней? Однако время показало, что наша реляция осталась без ответа.

В то время гвардейские звания давали более всего пехотным частям, а минометных полков гвардейских не существовало. Как бы там ни было, личный состав полка, во всех своих звеньях, сражался под Сталинградом и после по-гвардейски, о чем говорили многочисленные благодарности пехотных командиров, части которых приходилось поддерживать полку.

После завершения боев под Сталинградом в городе скопилось очень много частей и соединений, которые невозможно было сразу отправить по железной дороге на фронт. Поэтому Сталинградская группа войск установила очередность отправки воинских частей, а нашему полку пришлось дислоцироваться из Сталинграда в коммуну Кирова, которая находилась южнее станции Сарепта.

В коммуне Кирова мы думали простоять недолго, но получилось так, что только 13 мая нас погрузили в эшелон, и мы двинулись на Северный Донец. Что же делали мы три с лишним месяца? В батареях была организована учеба, которой занимались все: и рядовые, и офицеры. Занимались строевой подготовкой. Была налажена самодеятельность, устраивались вечера.

Вместе с тем сразу, как мы стали на отдых в коммуне Кирова, многие сталинградцы стали отпрашиваться у командира полка и разыскивать свои семьи.

Кому-то удалось найти своих близких, а кто-то узнал, куда они выехали. Решил и я попытать счастья, и где-то в конце февраля, отпросившись у командира полка, отправился на розыски родных. Как я упомянул выше, по найденной записке я знал, что мать и жена выехали в Ляпичево, Ростов. Поэтому мы с Миной рассудили, что в Ростов ехать далеко, а в Ляпичево можно свободно съездить, и не

только съездить, но и сходить. Вспоминая сейчас о том времени, я удивляюсь своей смелости и решительности.

Ведь был риск и притом двойной. Во-первых, я мог отстать от полка, а это было весьма и весьма нежелательно. Во-вторых, идти одному, даже в Ляпичево, было небезопасно. После боев в степях, да и в населенных пунктах, можно было наткнуться на недобитых немцев, которые могли и навредить. Первое было, конечно, риском, потому что никто не был гарантирован, что, скажем, завтра поступит распоряжение об отправке полка. А второе было меньшим риском, и, прихватив с собой под шинель на всякий случай трофейный пистолет «парабеллум», я двинулся в путь. Где-то в Садовой вышел на грейдер, «голоснул», и первая попутная военная машина подбросила меня до Кривой Музги. Дело было к вечеру, и я решил заночевать здесь. Добрые люди пустили служивого, перебыл я ночь, а утром рано пешком отправился по железнодорожному пути к месту следования.

Расстояние до Ляпичево было километров 10 и часа в два дня я уже входил в село. Шел, конечно, и думал, как было бы хорошо, если бы я в Ляпичево разыскал своих родных. И вот вошел я в поселок и первую женщину, которую увидел, спросил, не живут ли в Ляпичево Сметанины из Сталинграда. Как же было здорово, когда эта женщина показала мне на хату, где-то в стороне, в которой должны были находиться мои родные. Тут же я быстро зашагал к показанному мне домику. Вхожу и с радостью обнимаю мать, жену, с которыми мы расстались 30 августа 1942 года. Срок пять месяцев, которые мы не виделись, как будто и небольшой, но была война, и с нами и за это время могло случиться самое худшее.

Быстро пролетел день и ночь, а утром я распрощался и убыл в свой полк. Договорились мы, что, если командир полка разрешит, то я напишу письмо, и мама с женой приедут к нам в часть. Так и получилось, родные к нам приезжали в коммуну Кирова, жили около двух недель, и потом мы с Миной проводили их в Ляпичево.

Нам в штабе работы было меньше, но на дневное время хватало и без дела мы не были. О том, как мы, штабисты, жили в коммуне Кирова очень хорошо рассказывает завделами Титков А.М. в двух своих стихотворениях, которые я здесь приведу полностью.



По вечерам над нашим штабом  
Спускается веселый миг,  
В боях к спокойствию приученный  
Его ничто не может помутить.  
Как и всегда, закончивши свои бумажные дела,  
Сложивши папки в сторону,  
Садится Фильберт у окна,  
И медленно, с задумчивою миной,  
Берет бумаги лист большой,  
И обмакнув перо в чернильницу,  
Строчит письмо с тоской.  
Как и всегда, удрученный  
От ежедневной суеты,  
Завдел протягивает ноги  
И погружается в мечты.  
А рядом у большого столика  
Два «Ласкера» задумчиво сидят  
И, разбираясь в шахматах,  
На доску пристально глядят.  
Все хорошо, бормочет Басов,  
Ошибкам ПНШ он очень рад,  
Но все же частенько, без ошибки,  
Он получает шах и мат.  
И верен для своих традиций,  
Сложив в портфель дела,  
Читает книги Гичкин,  
Примерно час иль два.  
Как и всегда, с терпеньем,  
Немного приоткрывши рот,  
Тереша на машинке пишет  
Пока над нею не заснет.  
Когда приходит экспедитор,  
Наш Фильберт сразу на него  
От Терского, почти с угрозой,  
Все просит принести письмо.

Здесь появился новый работник штаба – Терёша. Это был сын полка, подросток лет 10, как он оказался у нас – затрудняюсь сказать.

А вот второе стихотворение завделами о том же времени, когда мы находились в коммуне им. Кирова.

Продолжаются «дни золотые»  
Бесконечного отдыха дни,  
Вспоминаются дни боевые,  
Словно сны промелькнули они.  
Архипович, сверкая усами,  
Как бывало в окопах сидя,  
Вместе с штабом он шутит часами,  
На штабные бумаги глядя.  
Есть у нас здесь и новые лица,  
Но недолго на месте сидят,  
Романиченко – птица такая,  
Прилетит и опять улетит.  
Коротков же судьбой не доволен,  
Себе место не может найти,  
Он сердечной болезнью болен,  
Все мечтает к девочкам уйти.  
Целый день на машинке щелкает,  
Или пишет опершись на стол,  
Наш Терёша над ней засыпает,  
А ночами летает на пол.  
Так же вечно склонившись в бумаги,  
Так же скучно очками блестит,  
Фильберт, словно набрался отваги,  
За весь штаб постоянно грустит.  
Как и прежде порой до отбоя,  
Гичкин, снявши рубашку стоит,  
Как и прежде порой недоволен,  
Как и прежде порою ворчит.  
Басов ходит и тяжело вздыхает,  
Скоро ль кончится отдых такой,

В пять часов каждый день подымают  
А чуть что – «рубать строевой».  
Так же скучно, бумаги листая,  
Лишь чуть-чуть на свету побелел,  
Никуда не идет, не гуляет,  
Словно плесенью покрылся завдел.

Два новых работника появились в нашем штабе – это Романиченко и Коротков (если бы не стихотворение завделами, то я бы, наверное, забыл об этом). Романиченко, помнится, был новым начальником штаба полка. Вскоре же его послали на курсы повышения, и он в полк не вернулся.

Коротков был начальник разведки полка. Одному и другому было мало дел в коммуне Кирова, и они скучали без работы. Стихотворения завделами, написанные с натуры и, самое главное, в те далекие дни, слабые по форме, но очень ценные в том отношении, что воссоздают портреты каждого работника штаба. Мне удалось сохранить их (с помощью супруги), и я охотно их привожу.

Примечательным событием перед нашим отъездом на фронт было выступление ансамбля Приволжского военного округа в полку. Впервые мы услышали в исполнении артистов ансамбля, песню В.П. Соловьева-Седого «Вечер на рейде». Эмоциональное воздействие на меня этой песни было огромным. Мы тоже должны были покинуть родной «берег» и ехать навстречу неизвестности.

И вот душевное состояние моряков, про которых поется в песне, было созвучно и нашему, ведь и мы уходили на фронт навстречу опасности.

Закончилось наше пребывание в коммуне Кирова, и 12 мая 1943 года нас погрузили на ст. Чапурники в эшелон, и мы двинулись в сторону ст. Лихая. Приехали проводить нас мама и жена. Мы с Миной были рады увидеть вновь своих близких, ведь мы не знали, представится ли нам возможность снова увидеться с ними?

## IV. БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ДОНБАССА И УКРАИНЫ

В мае 16 числа мы прибыли на станцию Чертково, а дальше нас разместили на хуторе Подгурском. Командование полка перевело меня в первую батарею, и мне предстояло в боях участвовать в качестве минометчика в одном из огневых расчетов.

Прежде чем рассказать о моем непосредственном участии в артиллерийском наступлении на Северном Донце, считаю целесообразным очень кратко описать устройство 120-миллиметрового миномета, который был у нас на вооружении в Великую Отечественную войну. Миномет – простое по устройству, но очень эффективное орудие, он находится на вооружении и сейчас, только, понятно, он стал более совершенным.

Миномет состоит из трех частей: опорной плиты, дуноги-лафета и ствола. Опорная плита служит для того, чтобы создать опору для ствола миномета, чтобы поглотить сильную отдачу ствола во время стрельбы.

Дунога-лафет имеет на себе прицел и червячные передачи для передвижения ствола в вертикальной и горизонтальной плоскости. Пользуясь дуногой-лафетом наводчик устанавливает ствол в нужном направлении и придает ему необходимый уклон. Ствол – это полый, металлический цилиндр, в хвостовой части которого имеется боек.

Мина весит 16 кг, и в передней части она имеет взрыватель, а в задней – стабилизатор с запальным патроном. На взрывателе имеется предохранительный колпачок, который снимается, когда мина заряжающим посылается в ствол. Взрыватель может устанавливаться на осколочное и фугасное действие. В первом случае мина поражает живую силу, во втором – она может разрушать блиндажи легкого типа. На стабилизатор навешиваются дополнительные заряды, число которых зависит от дальности полета мины. Предельная дальность огня миномета 5 км. Мина, которую заряжающий ввел в ствол миномета, под действием своей тяжести, доходит стороной с запальным патроном до бойка, наткнувшись на последний, происходит взрыв, и пороховыми газами мина выталкивается из ствола и летит в заданном направлении. Вот, в принципе, как стреляет миномет.

Минометный расчет состоит из пяти человек: командира миномета, наводчика, заряжающего и двух человек подносчиков мин. Командир миномета отвечает за всю боевую деятельность расчета или отделения. Наводчик, как говорит само название, следит за правильной установкой миномета, и от его быстроты и точности в полной мере зависит поражение целей. Заряжающий вводит в канал ствола мины, которые передает ему подносчик. Подносчики готовят мину к выстрелу, т.е. снимают предохранительный колпачок и навешивают дополнительные заряды.

Таковы обязанности каждого воина минометного расчета. Понятно, что от слаженной, четкой работы каждого воина отделения в полной мере зависит боевой успех огневого взвода и батареи в целом.

Помню, что первые огневые мы заняли в лесу в районе Олений Евсуг, или Варваровки 16–17 июня 1943 года (Ворошиловградская область). Предстояла большая артиллерийская подготовка, в которой должны были участвовать и минометы нашего полка.

Командиром миномета был у меня мой земляк-дубовчанин Мазин Павел Михайлович, а заряжающим – Незнайкин Василий Петрович. Фамилии наводчика и второго подносчика не сохранились в моей памяти. Все мы были сталинградцы – Мазин П.М. и Незнайкин В.П. работали до армии на заводе «Баррикады», я – на железной дороге, а два других члена нашего коллектива тоже трудились где-то на заводах Сталинграда. Все мы были, по существу, друзьями по несчастью. Всех нас гитлеровская война оторвала от мирной жизни, разрушила наше жилье и разбросала семьи. Поэтому нам хотелось, чтобы каждая мина, которую мы посылаем врагу, достигла цели и побольше бы выводила из строя гитлеровских захватчиков. Для этого мы старались работать дружно, согласованно, четко и при необходимости готовы были заменить друг друга, я – заряжающего, а заряжающий – меня. И так было во всех огневых расчетах нашей первой батареи, во всех огневых расчетах полка.

В назначенное время на врага обрушили наши артиллеристы сотни тонн металла. Артиллерийская подготовка началась. Стоял невероятный грохот от выстрелов. Голоса своего или командира миномета нельзя было услышать. Командир миномета жестами руки отдавал команду, сколько мин беглый огонь.

Если я видел, что он распростертыми пальцами правой руки показал пять пальцев, стало быть, пять мин подряд одну за другой нужно было послать противнику (это и называется беглый огонь).

Подносить мины помогал мне и командир миномета, нужно было именно делать беглый огонь, т.е. как можно быстрее посылать мины по врагу.

Командир миномета одновременно повторял команды старшего на батарее, и наводчик быстро устанавливал прицел. Изменение данных для стрельбы делал командир батареи, который находился на переднем крае вместе с командиром стрелковых рот, и по телефону корректировал огонь.

Пушки гитлеровцев, неподавленные нашими артиллеристами, «огрызались», т.е. стреляли по нам. А мы работали, как автоматы, не думая об опасности, которая нам угрожала от авиации противника и от его артиллерии.

Ощущали ли мы страх? Нет! Помнится, что мы не думали об опасности, о ней, попросту говоря, некогда было думать. Вспоминая вот сейчас эту артиллерийскую подготовку и все последующие, мне почему-то приходит на ум мудрая народная поговорка, что «на миру и смерть красна». Ведь ты ведешь огонь вместе с товарищами по батарее, и все мы в одинаковой степени подвергаемся смертельной опасности, вот поэтому и страх отступает. А кто-то из солдат сообщил, что вражеский снаряд угодил прямо в расположение одного из минометных расчетов (недалеко от нас), и все, кто обслуживал миномет, были убиты. Что же поделаешь, война!

Сегодня убило соседа, а завтра может быть будешь убит и ты. Совершали ли мы какой-то подвиг, ведя такую артиллерийскую подготовку? Скорее всего, нет. Это была наша повседневная фронтовая работа, мы выполняли свой солдатский долг. Если смотреть на это с позиций сегодняшнего дня, мирного времени, можно и по иному оценить тот наш ратный труд.

Иногда мы слышим такие рассуждения: «Все мы были солдатами». Это говорят не фронтовики, а люди, которые были далеко от фронта. Да, действительно, у нас в годы войны все были солдатами, но разными: одни были солдатами трудового фронта, а другие – солдатами подлинными, или солдатами боевого фронта.

Всем в годы Отечественной войны было тяжело, но те, кто ковал Победу находясь в тылу, был все-таки сравнительно более уверен, что он завтра будет жив, а вот мы – фронтовики – не были уверены в этом. Что касается лишений, то и мы на фронте порой ели один раз в день, а спали по часу, не больше. Я часто вспоминаю народную мудрость, а она гласит, что «кто на войне не бывал, тот и горя не видал». Как это правильно!

Описав первую нашу, после Сталинградской битвы, артиллерийскую подготовку на Северном Донце, я совсем не коснулся важного вопроса о том, как же мы занимали огневые позиции? Во-первых, место огневых батарей полка выбирается заранее командованием полка, штабом. После командиры батарей, зная место расположения своей батареи, вместе с командирами огневых взводов намечают место установки каждого миномета. Всегда огневые позиции мы занимали только ночью, чтобы избежать бомбежки гитлеровцев. Приехав на место часов в 10–11 вечера, только по темному мы старались к утру оборудовать в инженерном отношении все, с тем чтобы утром можно было вести огонь.

Что нужно было сделать? Прежде всего вырыть котлован для миномета и погребки для ящиков с минами и затем отрыть себе щели, а иногда и блиндажи. Часто бывало так, оборудуем огневые позиции, побудем на них день-другой, и поступает команда сняться с них и переехать на новый участок фронта. И начинается все сначала.

Меня спросят, а когда же мы спали? А вот так копаешь ночью, из сил выбьешься, свалишься, час тебя товарищи не будят, дают немного отдохнуть. И вот так каждого из нашего расчета. Больше часа просто нельзя было спать, поэтому-то, когда закончилась война, первое желание фронтовиков было отоспаться.

Итак, артиллерийское наступление закончилось успешно, противника выбили из передней траншеи и наша пехота ее заняла. Дальше наш полк прорыва действовал в с. Терны, Красном Осколе, х. Шевченко, а позднее был штабом фронта направлен на плацдарм около с. Богородичное. Это было 29 июля 1943 года. Бои на этом плацдарме были очень напряженные, и о них я расскажу подробнее, потому что они очень памятливы мне. Мы вошли в подчинение 57-й Армии, которая действовала на этом направлении. Плацдарм наш

был небольшой, с километр в глубину и километра три по фронту. Приказ был таков, чтобы стоять насмерть и врагу плацдарма не отдавать. Для нас это было очень понятно, потому что всегда плацдармы доставались нам дорогой ценой, и следовательно, за них всегда сражались с большим ожесточением.

Прибыли мы на огневые ночью, и в результате упорного труда к утру все у нас было готово для ведения огня. Противник после Сталинградской битвы уже не мог наступать на широком фронте, а выбирал небольшие участки фронта, где сосредотачивал большие силы авиации, танков, пехоты, и здесь он еще мог причинять немалую неприятность.

Вот так и здесь, на этом плацдарме, вражеская авиация проявляла большую активность и непрерывно бомбила то наши переправы, то артиллерийские позиции. С первых же дней нахождения на плацдарме начались жаркие бои. Противник яростно атаковал наши боевые порядки, стремясь сбросить нас с плацдарма.

Вести огонь приходилось часто, так как пехотные командиры, находящиеся вместе с нашими офицерами-минометчиками, просили поддержать их огоньком. Мы и стреляли все время по заявкам пехоты, подавляя вражеские огневые точки, нанося большие потери живой силе противника. Несли потери и наши пехотинцы.

Каждый день мимо нас по тропе, ведущей к переправе через Северный Донец, шли в одиночку и группами, по два человека раненые с передовой. От передовой мы стояли примерно в 500 метрах, поэтому противник не только доставал до нас своей артиллерией и минометами, но и вражеские пули частенько падали в расположение батареи. Бывало ночью стоишь на посту, а фашистские пули около тебя падают, только джик, джик.

Душой нашей первой батареи был парторг Цыкатунов Георгий Степанович. В полк он пришел из горячих цехов завода «Баррикады». Всегда веселый, неунывающий, большой шутник, он невольно располагал к себе и все мы, солдаты батареи, уважали его. Он всегда находил время поговорить с каждым бойцом, позаботиться о нем, подбодрить тех, кто нуждался в этом. В самые напряженные моменты боев, когда было особенно тяжело, Георгий Степанович личным примером, воодушевлял товарищей, вселял в них уверенность в боевом успехе. Таков был наш парторг лучшей батареи в полку.



До сих пор очень хорошо запомнился мне один день боев на этом плацдарме, можно сказать, день типичный для этих огневых позиций (их дней таких было здесь девять). Было это что-то 3–4 августа 1943 года. Обычно пищу нам привозили рано утром и поздно вечером, потому что днем авиация противника бомбила переправы через реку Северный Донец, а наша кухня стояла в лесу на противоположной стороне реки. В этот день рано утром, как всегда, мы увидели нашу полуторку, с которой повар П.П. Малышкин привозил нам завтрак. Только автомашина подъехала к огневым, как над нами в воздухе стала разворачиваться тройка самолетов противника Ю-88. Все, кто был с машиной, – шофер, старшина батареи Пономарев и повар батареи П.П. Малышкин – поспешили в укрытия. Повар наш попал в ближайший блиндаж, а старшина Пономарев, помню, забегал по огневым и не знает в какой окопчик ему прыгать.

Я его позвал в свой, он прыгнул, мы с ним пригнулись и стали из окопчика наблюдать за вражескими самолетами. Они были прямо над нами, и мы видели, как от них отрываются черные зловещие точки. Старшина в тревоге сказал: «Это наши!» Я тотчас же успокоил его, так как уже знал, что раз бомбы сбрасываются над тобой, то они пролетят мимо. Так и произошло, но одна бомба, видимо последняя, упала около автомашины и осколками смертельно ранила в голову нашего земляка П.П. Малышкина. Вот вам человеческая судьба, был в блиндаже, казалось бы, в безопасности, но, оказывается, на войне все бывает. Сейчас же мы посадили раненого в машину и шофер повез его в ближайший медсанбат. Позднее мы узнали горестную весть, что наш однополчанин Малышкин П.П. умер в госпитале. Проводив автомашину с раненым воином, мы обошли огневые и обнаружили, что молодой сталинградец Турбин зажат землей в своем окопчике. Мы тотчас же вооружились лопатами и помогли товарищу освободиться от земляного плена.

И в последующие дни гитлеровцы продолжали свои атаки, но уже не с таким упорством. Огонь наших минометов всякий раз, когда немцы начинали атаку, отбрасывал их назад, нанося им чувствительные потери. Позже гитлеровцев выбили с занимаемых позиций, и они стали отходить, а нас перебросили на другой участок фронта.

За мужество и стойкость, за умелую поддержку пехоты на плацдарме около с. Богородичное личному составу нашей батареи была объявлена благодарность от командующего артиллерией 57-й Армии генерала Пожарского.

После полк дислоцировался в районе населенных пунктов Волхов Яр, Яцково, Сеничено, Беспаловка, Казачка, Рог, Клименкова и 4 сентября 1943 года занял огневые позиции около ст. Тарановка (совхоз «Красный Гигант»). Бои около Тарановки запомнились мне особенно четко, и о них я постараюсь подробнее рассказать.

Огневые позиции нашей первой батареи расположились здесь в одном из отрогов балки, которая своей вершиной выходила к железной дороге, где как раз и был наш передний край. И здесь гитлеровцы яростно контратаковали наши войска, бросая в бой авиацию и танки. Жаркие бои не затихали ни на один день. В воздухе весь день кружились фашистские самолеты Ю-88, высматривая цели для бомбежки. Все это сопровождалось артиллерийским и минометным обстрелом. Наша батарея вела огонь по заявкам пехоты, всякий раз в моменты контратак, нанося врагу чувствительный урон.

В разгар боя, это было 5 сентября 1943 года, часа в два дня на батарею прибежал наш разведчик, сталинградец Слава Долшенский, и сообщил горестную весть: убит мой брат Мина. Он был разведчик и, находясь на переднем крае со своими товарищами в траншее, высматривая цели врага, был убит гитлеровским снайпером, а, быть может, и автоматчиком. Пуля попала в бок и прошла через кишечник, поэтому смерть наступила почти мгновенно. Однако я несколько забежал вперед. Отпросившись у старшего на батарею лейтенанта Артамонова Н.Н. проститься с братом, мы со Славой Колшенским побежали по балке в сторону переднего края. Только мы пробежали какую-то часть пути, над нами в воздухе появилась тройка вражеских пикирующих бомбардировщиков Ю-88, как будто специально стремясь помешать тому, что обязательно нужно было сделать. Пришлось сбежать в сторону и «приземлиться» в воронку, которая находилась в пяти шагах от тропы. Подождав немного, когда стервятники отбомбятся, мы побежали дальше. Вскоре мы были около передовой, и я увидел бездыханное тело брата, накрытое шинелью. Наскоро приподняв край шинели и поцеловав в лоб Мину,

я побежал обратно на огневые своей батареи. Как не больно было от такой потери, но бой продолжался, и нужно было принимать в нем участие.

Товарищи сочувствовали мне в постигшем горе, ведь Мину знали многие сталинградцы, более всего живущие на Дар-горе. Поклялись мы мстить фашистам за смерть брата и друга, еще крепче бить врага, чтобы приблизить день победы. Впереди были новые огневые позиции, новые бои, враг был еще силен и расслабляться было никак нельзя.

И под Тарановкой противник в конечном итоге был выбит из своих траншей и стал отходить. Полк наш после действовал в районе населенных пунктов Растанье, Лозовеньки, Мироновка, Князево, Домаха, Андреевка, Ново Миргородка, Варваровка и наконец 1 декабря 1943 года мы остановились на берегу Днепра в с. Андреевка Запорожской области. Пребывание в Андреевке на Днепре мне запомнилось, и я коротко об этом расскажу. Свои огневые позиции батареи полка расположили вдоль берега Днепра, заняв определенный участок фронта. На другой стороне Днепра были немцы, и нас отделяло от них около километра, это ширина реки в этом месте. Противник вел себя удивительно тихо, изредка постреливал из орудий и минометов, а самолетов его мы не видели.

Пехотных частей в Андреевке не было, и командование фронта поставило задачу перед полком известное время вести наблюдение за противником, а в случае его активных действий дать отпор до подхода наших стрелковых подразделений. На всем участке, где дислоцировался полк, в береговом откосе были открыты ячейки для пулеметов и ПТР, а по ночам мы стояли в дозоре, вооруженные автоматами. Помню, были сильные морозы, а ночи ясные, лунные. Менялись мы что-то через два часа, а дистанцию нам установили 50 м. Вот так мы патрулировали берег Днепра, зорко всматриваясь через лед в противоположный берег, где все еще был враг. Но видно гитлеровцам было в то время не до наступления, они думали тогда, как бы удержаться на тех рубежах, на которых оказались в результате наступления Советской Армии.

Новый 1944 год мы встречали в Андреевке на Днепре. Этот 1944 год был годом победоносным для нашей Советской Армии.

По существу, наступил тот праздник, о котором в тяжелом 1941 году говорил товарищ Сталин; тогда он пророчески сказал, что «придет время и на нашей улице будет праздник». Правда, еще предстояли бои, и в ряде мест тяжелые, но все равно было уже видно, куда склоняется чаша весов, а склонялась она явно в нашу сторону.

В 1944 году полк дислоцировался в следующих пунктах: Николай Поле (Днепропетровская область), ст. Лошкаревка, с. Приют, Базавлук, ст. Апостолово, с. Костромка, с. Свердловка, Мережино, Новокурская, Забережье, Новый Буг (Николаевская область), Новая Одесса, Котовский (Одесская обл.), Малоешты, Бутор (Молдавия), Глинное, Раскасцы, Пуркары, Толмаз, Копчак, Клястиц, Чадыр-Лунга. Таким образом полк в 1944 году участвовал в освобождении Западной части Украины и Молдавии.

Мне так совпало, что не пришлось участвовать во многих боях этого года, потому что в июле месяце я был командирован на офицерские курсы (на курсах мне учиться не довелось, т.к. я опоздал на них), и затем командование полка частенько вызывало меня из батареи на всякого рода канцелярские дела (то наградные, то аттестационные).

В августе 25 числа мы вступили на территорию Румынии. Велика была наша радость, ведь враг под ударами наших войск отходил, и на юге, где мы действовали, была полностью освобождена от фашистских захватчиков территория Советского Союза, и нам предстояло нести освобождение другим странам Европы, где все еще хозяйничали гитлеровцы. В Румынии мы были мало, немного побыв в Кирже, Галаце, Катусе, Констанце и 1 сентября по приказу командования мы пересекли границу и вступили на территорию братской Болгарии.

## **Дополнение к главе IV. Бои за освобождение Донбасса и Украины**

После пребывания в с. Андреевка на Днестре, мы передислоцировались в район с. Растанье.

Было это 8 января 1944 года. Помню, что огневые позиции нашей батареи были около железной дороги, причем с одной стороны пути были наши, а за линией железной дороги находился противник. Стояли сильные

морозы порядка 20–25°. Приехали мы на место ночью, и нужно было к утру оборудовать огневые, чтобы утром быть готовыми к ведению огня. Противник здесь вел себя очень активно, часто контратакуя наши пехотные части. Задача состояла в том, чтобы поддерживать огнем стрелковый батальон, помогать нашей пехоте в успешном отражении атак врага.

Земля была мерзлая, и приходилось долбить ее кирками и ломами. Время летело быстро, а мы с трудом вгрызались в твердый грунт. Все же к утру в основном мы вырыли котлован, погребки для мин и отрыли себе щели.

Рассветало, и мы своим расчетом и нашей первой батареей стали вести огонь по скоплениям пехоты противника и его огневым точкам.

На второй день нас с товарищем старшина послал на путевую будку наломать досок для блиндажа и кухни. Только мы дошли до будки (это было метров 150–200 от огневых) и было начали свою работу, как вокруг засвистели снаряды и стали разрываться то справа, то слева от будки. Пришлось «приземлиться», чтобы не попасть в беду. Видно, что путевая будка, как хороший ориентир, была пристреляна противником, и он время от времени делал огневые налеты по ней. Кроме того, в будке, в подвале, сидели наши телефонисты и передавали команды на батарее об огне по гитлеровцам, т.е. будка была командным пунктом соседней с нами артиллерийской части.

После огневого налета, мы только было собрались продолжить свою работу, как услышали со стороны огневых какой-то шум и сейчас же поспешили в расположение батареи. Добежав до места, мы узнали, что вражеским снарядом во время ведения огня был тяжело ранен наш товарищ – сталинградец Нестеров П.С. Осколок снаряда раздробил плечо мужественному воину, и санинструктор делал перевязку, стараясь скорее отправить раненого в полевой госпиталь. Ранение было тяжелое, и, как мы позже узнали, П.С. Нестеров не перенес операции и 22 января 1944 года скончался в госпитале.

После войны мне удалось разыскать дом, где жила жена П.С. Нестерова, познакомиться с ней и от нее я узнал много интересного о жизни моего земляка. Петр Степанович был одаренным от природы человеком и, если бы не война, кто знает, как далеко пошел бы наш товарищ. Вот одно из стихотворных писем Петра Степановича, которое он написал супруге 20.08.1943 года с фронта:

Летний дождь хлестат кусты,  
И над землянкой ветер злился,  
Мне этой ночью снилась ты,  
И городок далекий снился.  
Пушкой у писем далека дорога,  
Но мне от мыслей хорошо моих,  
Ведь эти письма я руками трогал,  
И ты читая будешь трогать их.  
Горячи дни, ночами отдых краток,  
Кругом воронки и следы огня,  
Бойцы ждут писем от своих солдаток,  
Ну что ж, и ты солдатка у меня.  
В дымках разрывов небо голубое,  
Свистит свинец у самого виска,  
Ты далеко, но в этом пекле боя,  
Как никогда ты стала мне близка.  
И то, что пули пролетают мимо,  
Мне верить хочется среди огня,  
Что ты со мной присутствуешь незримо,  
Своей любовью бережешь меня.  
Пушкой в боях проходят дни и ночи,  
Не сдам, сумею все перенести,  
И обо мне ты не тревожься очень,  
О сыне думай, береги, расти.

В этом стихотворении, сердечном и искреннем, весь наш фронт-овой друг, мужественный и смелый воин, и вместе с тем, нежный, любящий муж и отец.

Далее мне запомнились огневые позиции около с. Большая Костромка, где 19 февраля 1944 года пал смертью храбрых красноармеец-разведчик сталинградец Понеделькин А.А. Обстоятельства гибели его были необычны, и поскольку мне пришлось быть около него, можно сказать, до его последнего вздоха, я о них коротко расскажу.

Как раз 19 февраля 1944 года по заданию командира дивизиона, мне вместе с товарищами Понеделькиным А.А. и Куликовым В.В. пришлось рыть блиндаж для штаба дивизиона. Место нам указали,

и с утра мы приступили к делу. Помню, что мы уже заканчивали работу и в одну из остановок на отдых вдруг заметили, что Понеделькин А.А. как-то странно присел на ступеньку блиндажа, голова его свесилась на грудь, и он как-то безжизненно опустился на землю. Когда мы посмотрели в лицо товарищу, то увидели, что глаза его закрыты, а на губах выступила пена, было видно, что наш товарищ мертв. Но что случилось с ним, мы первые минуты не могли понять, и лишь когда сняли с головы погибшего шапку, то поняли, что вражеская пуля попала в голову Понеделькину А.А., и он умер мгновенно.

Случай этот сравнительно редкий для нас, артиллеристов, и он лишь подтверждает, что нас, фронтовиков, всегда, всю войну, подстерегала смерть или от разорвавшейся бомбы, или от осколков упавшей поблизости мины, или снаряда, или даже от вражеской пули.

А в феврале 1944 года тоже в районе с. Большая Костромка, в разгар боя, когда минометы первой батареи вели огонь по заявкам пехоты, рассеивая скопления гитлеровцев и подавляя вражеские огневые точки, была нарушена связь наблюдательного пункта с батареей.

На исправление линии вышел связист Песковец И.П., который пренебрегая опасностью побежал по линии, ища место порыва. В это время особенно необходим был прицельный огонь наших минометов, и потому так нужно было восстановить связь. Пробежав совсем немного, отважный связист был сражен вражеским снарядом, и вместо него был послан на линию связист-сталинградец Фирсов В.П.

Небольшого роста, подвижный и быстрый, смелый и мужественный В. Фирсов всегда выполнял самые трудные задания. И в этот раз пришлось ему выходить на линию и делать то, что не удалось сделать его товарищу. Пока он нашел порыв, ему пришлось несколько раз приземляться, чтобы избежать поражения от мин и снарядов. Связь была восстановлена, и батарея продолжала ведение огня по заявкам пехоты, нанося врагу чувствительный урон.

## V. ПОЛК В БОЛГАРИИ

Болгарский народ издавна был другом русских, и мы знали, что в Болгарии нам не придется воевать со своими братьями.

Так и получилось. Болгарию мы освободили от фашистских захватчиков без единого выстрела. Это была одна страна, за которую нам не пришлось проливать кровь, да и болгары в годы Великой Отечественной войны не воевали против нас. Более того, они сейчас же, после освобождения их страны, повернули оружие против фашистов и стали помогать нашей армии громить ненавистных захватчиков (это было уже во время освобождения Югославии).

Итак, мы в составе войск 4-го гвардейского механизированного корпуса вступили на болгарскую землю. Было это 1 сентября 1944 года. Эти дни я не могу забыть, они запечатлелись на всю жизнь. Их, эти дни, я описывал в письмах своим болгарским друзьям в г. Бургасе, я расскажу о них и здесь. Помню хорошо, что первым населенным пунктом, куда мы въехали был городок Добрич, ныне город Толбухин. Остановились мы на площади городка и стояли не более часа, пока командование согласовывало дальнейший маршрут следования. И за это короткое время мы убедились в том, что жители Добрича с большой доброжелательностью встретили нас, одаряя солдат сигаретами, виноградом. Мы не видели в лицах женщин, стариков, мужчин страха, какой-то боязни нас, к нам подходили запросто, заводили разговоры, расспрашивали, смотрели технику, которой мы воевали.

Пронеслась команда: «По машинам!» – и мы двинулись дальше. Следующая остановка нашей колонны была в г. Варны. Помнится, что остановились мы на одной из улиц города, откуда хорошо было видно лазурное Черное море, ведь Варна – это портовый город.

Не успели мы сойти с машин, как оказались в окружении жителей города, откуда-то появилась гармошка, и наши бойцы закружились в танце с болгарскими девушками. Вдруг кто-то так некстати крикнул: «Воздух!» Все устремили свои взоры в небо. Где-то на большой высоте пролетел самолет, но он не помешал братанию наших воинов с жителями Варны. Снова шутки, улыбки, дружеские разговоры до самого сигнала: «По машинам!»



Следующим городом, в котором нам довелось быть, был Бургас, тоже портовый город Болгарии. В этом городе мы простояли 10 дней, и об этих днях пребывания следует подробнее рассказать. Разместили нас всех по квартирам в домах болгарских друзей. К большому сожалению я не записал тогда ни улицы, на которой жил, ни фамилии моих добрых хозяев. Кто знал о том, что мне представится возможность писать вот этот очерк, – никто этого не знал. Поэтому мы не вели дневниковых записей, которые так бы пригодились в работе над таким вот очерком. По этой причине мне сейчас трудно восстановить в памяти все детали нашей жизни в Бургасе в те уже далекие дни 1944 года. Следовательно, придется мне ограничиться отрывочными воспоминаниями об этом коротком отрезке времени в моей биографии. Можно, пожалуй, сказать, что нам пришлось более всего отдыхать, живя в этом уютном, тихом болгарском городке. Однополчане фотографировались на память, отдельно, группами, и сейчас снимки эти сохранились, и мы их видим на стендах школьного музея. Один групповой снимок запечатлял наших офицеров В.Е. Самсонова и Ф.П. Смагленко с болгарскими девушками и женщиной, видимо хозяйками, на квартире у которых стояли наши однополчане.

Ожидая со дня на день приказа на выезд из Бургаса, мы ходили купаться на море, знакомились с городом.

Помнится, в один из дней нас повели строем в театр. А перед этим нас предупредили, чтобы мы подготовились к этому культпоходу, привели себя в образцовый вид. Ребята все выглядели молодцами и по улицам прошли лихо с песней «Москва майская». Жители улиц, по которым мы проходили, вышли посмотреть на русских солдат, аккуратных, подтянутых, бравых. Не помню уже, что нам показали в театре, но возвращались мы в свое расположение строем, четко промаршировали по улицам Бургаса. Думается, что впечатление тогда мы произвели на наших болгарских друзей хорошее.

Время летело, и 2 сентября 1944 года нам было приказано принять участие в салюте по случаю полного освобождения Болгарии от фашистских захватчиков. Мы вместе с болгарскими друзьями радовались освобождению их страны от гитлеровцев, и поэтому с большим удовлетворением готовы были принять участие в салюте. В назначенное время город потряс гром выстрелов из всех видов оружия.

Можно смело сказать, что такой канонады город Бургас никогда не слышал за всю историю своего существования. Ликование в этот день, 2 сентября 1944 года, было большое, но наша радость омрачилась тем, что во время салюта в одном из огневых расчетов произошло двойное заряжание миномета (одна мина дала осечку, а заряжающий послал вторую, в результате миномет разорвало), и погибли три человека наших однополчан: Мухтаров Г.Г., Екаев С.Р. и Забродин Н.А. Похоронили товарищей на кладбище г. Бургаса. Так трагично завершилось для нас пребывание в Бургасе. Конечно же больно и горько было терять людей вообще, а тем более в такой торжественный и радостный день, но что поделаешь, беда произошла из-за несовершенства миномета, его большого недостатка. Такое несчастье могло произойти и со мной, ведь сколько раз приходилось подносить мины и быть рядом с минометом во время ведения огня.

Тепло простились мы с нашими болгарскими друзьями и двинулись ближе к югославской границе. Проездом посмотрели Софию, болгарскую столицу, и остановились около г. Видина в селе Каменка. Запомнилась хорошо страшная грязь, это в Болгарии самая ненастная пора. Каменка – маленькое село в 2–3 км от г. Видина. И здесь разместили нас по квартирам, и мне с Мазиным П.М. и Незнайкиным В.П. пришлось жить в доме одного бедного болгарина. Жили они вдвоем с женой, и единственный источник их существования был участок земли 1,5–2 га, занятый виноградником. Урожай винограда наш хозяин перерабатывал на вино, а вино продавал в городе Видине. Конечно, бедность нашего друга была видна нам, и мы никак не думали, что он нас будет угощать вином. А оказалось вот что. В первый же вечер, когда мы принесли ужин с кухни, к нам пришел наш хозяин и принес с полведра вина. Помню, что я упорно отказывался пить вино, мне казалось неудобно обижать человека, для которого это вино – это и хлеб, и все прочее. Но хозяин так просил меня выпить, что я сдался и выпил. Он, помню, говорил: «Пей, братушка, если не будешь пить – обижусь». И хозяин пил с нами понемногу. И так было все дни, пока мы жили у нашего болгарского друга.

Однажды мы услышали через перегородку комнаты, в которой жили, как наша хозяйка ругает своего мужа. Мы не знали, что она

говорит, но по тону поняли, что нашему другу достается за вино, которое он продолжал ежедневно приносить нам. Что нам было делать, как отблагодарить своего искреннего сердечного друга? Думали мы, думали и решили, что оставим ему в подарок всю солдатскую одежду, чтобы он не покупал ее на рынке. Когда уезжали, так мы и сделали. Оставили доброму хозяину новые ботинки, брюки, гимнастерку, белье. Денег у нас не было, а оставить военную одежду мы могли.

Почти месяц в общей сложности мы находились в Болгарии в разных ее местах, встречались с разными людьми, но неизменно, везде мы ощущали на себе доброе, сердечное, душевное отношение, готовность выручить, помочь, может быть, даже при этом отказав в чем-то себе. По моему убеждению, болгары – это наши верные друзья, которые в самую лихую годину не подведут. Поэтому справедливо, а не для красного словца, мы говорим – болгарские братья, болгарские друзья.

## VI. БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ

**2 октября 1944 года** в составе войск усиления 4-го гвардейского механизированного корпуса под командованием генерал-лейтенанта Жданова наш полк пересек границу освобожденной от фашистов Болгарии и вступил на землю многострадальной страны, близкой нам, Югославии.

Что мы знали тогда об этой стране? Нам было известно, что более трех лет в Югославии свирепствуют гитлеровские оккупанты.

Фашисты со свойственной им жестокостью стремились подавить волю югославского народа к сопротивлению. Однако на деле получилось иное: жестокость вызывала жгучую ненависть к фашистам, и патриоты часто шли на смерть с возгласом «Да здравствует Советский Союз!» Югославские братья знали, откуда к ним придет освобождение, и оно пришло к ним с востока, от Советской армии.

Значительную часть страны контролировали партизаны – народные мстители. И когда мы вошли на землю Югославии, то вскоре же наше командование установило контакт с командирами партизанских соединений. Позже мне не раз приходилось встречаться с югославскими партизанами, разговаривать с ними. Нельзя было не уважать этих воистину героических людей, мужественных, самоотверженных, подлинных патриотов своей Родины. Вооружены они были в основном стрелковым оружием, автоматами, пулеметами или трофейными немецкими, или нашими советскими. Одежда была самая разнообразная: и немецкая, добытая в боях, и своя, но это были или легкие куртки или шинели. В ту пору, в октябре месяце, было уже по утрам прохладно, но у партизан другой, более теплой, одежды не было.

Конечно, было и холодно, а порой и голодно, но партизаны освобождали свою страну от фашистской нечисти, это было главное, а все трудности, лишения они стойко переносили. Среди партизан были и русские, это те, кто сумел вырваться из плена, из лагерей смерти. Позже эти люди воевали в рядах Советской армии, и многие из них вернулись на Родину.

Когда наши друзья – югославские партизаны – узнали о том, что в боях с фашистами их будут поддерживать огнем тяжелые минометы

нашего полка, они радовались, это, видно, придавало им новые силы в борьбе с ненавистным врагом.

Нам было понятно это, так как воевать без артиллерии с таким до зубов вооруженным, коварным и сильным врагом было тяжело, если не сказать больше, невозможно.

Вспоминая то далекое прошлое, у меня возникают в памяти отдельные эпизоды, свидетельствующие о сердечных братских отношениях к нам жителей югославских селений, которые нам приходилось проезжать, когда мы держали путь на Белград. Однажды ночью колонна наших автомашин остановилась в каком-то селении, и нам пришлось стоять час, может быть больше, пока командование установит дальнейший путь следования. На огонек в одном из домов на улице пошел мой товарищ-сталинградец В. Баканов. Потом Володя рассказывал мне, что попал он в местную столовую, в которой не смотря на поздний час было много югославов.

Тотчас же югославские друзья обступили советского солдата и, как он не отбивался, упросили его наскоро покушать и выпить стаканчик вина. Вот это сердечность, доброжелательность, готовность разделить с тобой пополам последний кусок хлеба, как-то роднит югославских товарищей с болгарскими братьями. Последующие бои за югославскую столицу Белград, где плечом к плечу сражались наши воины, воины болгарской армии и партизаны народно-освободительной армии Югославии, скрепили навек узы братской дружбы между нашими странами и народами.

Не могу забыть одну из ночей, которую мы провели на трикотажной фабрике, где-то южнее Белграда. Приехали мы на фабрику ночью, и, пока повар батареи готовил нам ужин, мы с товарищем моим Мазиным П.М. пошли во двор, осмотреться с новым местом нашей остановки. Пройдя по двору, мы невольно обратили внимание на навес сарая, под которым на возвышении стояло что-то, покрытое белым саваном. Около возвышения с обеих сторон его стояли женщины в черной одежде со свечами в руках и пели тихо какие-то погребальные мелодии. Мы решили подойти узнать, кто эти люди и что они здесь делают. Когда мы подошли, одна из женщин открыла нам покрывало и мы невольно содрогнулись, увидев трупы двух молодых людей со следами штыковых ударов на лицах. Женщины налили нам в рюмочки вина и попросили

помянуть погибших (таков обычай у сербов). Далее они рассказали нам, что это их близкие люди, что они студенты из Белграда и были партизанами. В недавнем бою они, пулеметчики, прикрывали отход своей группы товарищей, кончились боеприпасы, но уйти им не удалось, их схватили изверги фашисты. Видимо, молодых людей зверски убили, а потом уже мертвых в садистской злобе искололи штыками. Что поделаешь, гитлеровские мерзавцы зверели, ведь бои приближались к их логову, и они чувствовали, что скоро придется отвечать перед человечеством за все свои злодеяния.

Мы с товарищами молча поклялись еще сильнее бить ненавистных фашистов, стрелять только в цель, чтобы ни одна мина не пролетела зря, не поразив гитлеровцев.

**14 октября 1944 года** нашему полку пришлось участвовать в штурме Белграда. Бои за Белград очень хорошо описаны в книге Толубко и Барышева «От Видина до Белграда», которая имеется в музее школы №. 14. В этой книге, в числе частей усиления, приданных 4-му гвардейскому механизированному корпусу, упоминается и наш 140-й минометный полк.

Помню, что огневые позиции полка и нашей первой батареи разместились в юго-восточной части города, в районе товарной железнодорожной станции. На этот раз огневые мы занимали днем, т.к. авиация противника не действовала, да и наших зенитных частей было много около города. Гитлеровцы засели в зданиях города, в домах, и их выбивали из укрытий артиллеристы, танкисты и мы – минометчики.

Огонь мы вели по заявкам наших воинов-гвардейцев, посылая мины в места скопления вражеской пехоты. Как всегда, а здесь особенно, мы действовали слаженно и четко, стремясь поскорее выбить гитлеровцев из города, освободить столицу братской Югославии от ненавистных «бошей» (так немцев называют югославы).

Трудно сейчас выделить кого-то из воинов нашего расчета, все делали всё возможное, чтобы скорее разгромить врага. Зажатый в клещи в Белграде противник сопротивлялся отчаянно, но под напором наших воинов-гвардейцев и югославских партизан сдавал улицу за улицей, оставляя себе возможность уйти лишь в одном направлении – западном.

**20 октября 1944 года** столица братской Югославии была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков, и наши

югославские друзья радостно отмечали это событие. Мы тоже радовались тому, что гитлеровцы, разбитые под Белградом, поспешно отходили к границам Венгрии, оставив страну, которой они за годы оккупации причинили столько горя и слез, что столетия пройдут, но народы Югославии не забудут этого.

Вот как рассказывает военный корреспондент П. Лукницкий о дне 20 октября 1944 г. в своей книге «По дымному следу», в главе «Белградские дни». «Крепость Калемегдан взята штурмом. Сегодня к середине дня 20 октября столица Югославии Белград освобождена полностью! Советские танки и пехотинцы вместе с югославскими партизанами дрались за каждый квартал, за каждый дом. Укрывшиеся в бомбоубежищах и в подвалах жители, увидев возле своего дома партизан или советских воинов, выбегали на улицу и, обнимаясь с освободителями, указывали им немецкие огневые точки и засады фашистов. Это была неоценимая помощь, способствовавшая быстрому освобождению города. Остатки вражеских войск, преследуемые и уничтожаемые, сегодня бежали за реку Саву, наши танки и артиллерия вместе с партизанами и югославскими воинами громят их в городе Земуне, который хорошо виден с высот Белграда. Жители Белграда толпятся на высоком берегу Савы, наблюдая сражение вокруг Земуна. При каждом залпе наших “катюш” крики восторга пробегают по рядам зрителей. Наблюдая, как наши самолеты штурмуют и бомбят врага, белградцы кричат “Живео!” Гитлеровцы пока еще продолжают обстреливать Белград из дальнобойных орудий, а население, пренебрегая опасностью, все на улицах. Прямые красивые улицы города усыпаны осколками стекла, битым кирпичом, местами еще залиты кровью. Но все они уже приняли праздничный вид и украшены флагами. Ликующие белградцы весело танцуют на центральной площади города Теразие и на бульваре короля Александра. Девушки с красными лентами пляшут возле сгоревших вражеских танков и “фердинандов”. Вокруг каждого советского воина собираются толпы.

Улыбки, цветы, поздравления, поцелуи, приглашения в каждый дом».

## VII. БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕНГРИИ

3 ноября 1944 г. мы вступили на венгерскую землю, где пришлось пробыть до 1 апреля 1945 года. Что же мы знали о Венгрии, вступая на ее территорию? Мы знали, что эта страна была союзницей Гитлера и что венгерские дивизии сражались с нашими войсками под Сталинградом и на других участках фронта.

Венгры (мадьяры) это совсем не болгары и не югославы. И сейчас, когда Венгрия стала социалистической страной, все-таки у меня нет к ее народу такой симпатии, как к жителям Болгарии и Югославии.

В Венгрии тяжелые бои были на озере Балатон, с. Фекете и других местах. Здесь противник сосредоточил большие силы танков, авиации и часто контратаковал наши боевые порядки. Обстановка в этой стране на ряде участков фронта складывалась для нас весьма неблагоприятно, и лишь мерами принятыми командованием фронта, удавалось восстановить положение.

Очень хорошо помню о нашем пребывании на ст. Бичке, находящейся километрах в 50–60 от Будапешта. Место это запомнилось мне хорошо потому, что гитлеровцы здесь пытались нас окружить и крепко побить. Но шел не 1941 и не 1942 год, а заканчивался 1944-й, и фашисты были уже не те, что в начале войны, да и наши воины и техника изменились, поэтому у немцев ничего не получилось с окружением. Солдатское радио (а это радио обычно не ошибалось) да и мы сами слышали артиллерийский гул с трех сторон, т.е. с трех сторон от нашего расположения, где-то еще вдалеке шли бои, и лишь небольшая горловина в сторону Будапешта была свободна, т.е. не была захвачена противником.

Мы слышали, что гитлеровцы, стоящие против нас в Бичках, собираются наступать, поэтому с нами вместе на станции стояла часть 152-миллиметровых пушек, которые огня не вели, так как были поставлены на прямую наводку, специально против танков. Мы, помнится, тоже огня не вели, но были готовы к отражению атак немцев. Противник как-то подозрительно тихо вел себя и лишь его «мессеры» частенько были видны в воздухе. В тревожном ожидании летели дни нашего пребывания в Бичках. И снова по солдатскому радио стало известно, что наше высшее командование в срочном



порядке перебросило откуда-то с другого участка фронта танковое соединение, и вражеские планы на окружение нас были сорваны.

Вскоре же нас перебросили на другой участок фронта, где срочно требовалась наша огневая поддержка. Это было село Фекете, бои в районе которого шли особенно жаркие. Гитлеровцы по несколько раз в день при поддержке авиации и танков атаковали боевые порядки нашей пехоты.

Наши минометы были установлены во дворах домов, и жили мы в этих домах, около которых порыли себе щели. Жители побросали свои постройки и выехали в места более спокойные.

Передовая от огневых позиций батарей находилась в 1000–1500 м, и противник, следовательно, имел возможность обстреливать нас и из орудий, и из минометов, и, конечно, бомбить. Все это он и делал с большим ожесточением, потому и жителей в селе никого не осталось. В один из дней февраля месяца 1945 года над селом Фекете появилась армада самолетов противника, и мы уже приготовились к очередной бомбежке, но в последний момент «мессеры» развернулись и улетели куда-то в другое место. Солдатское радио передало, что вроде бы кто-то из наших воинов подал сигнал ракетой, и немцы-летчики подумали, что в селе свои, и бомбить нас не стали. Это вполне могло быть, потому что в этот же день наш «иллюша» появился в воздухе и, к нашему удивлению, выпустил ракеты по своим. Сказали нам, что ракетами с нашего Ила был убит старший лейтенант. После, видимо, летчику передали по радиации, что в селе советские войска, и больше такого недоразумения не повторялось. На войне случалось и такое.

Наши минометы и мы своим расчетом вели огонь по заявкам пехоты, посылая мины по фашистам во время их атак, а эти атаки следовали одна за другой. Здесь сложилось очень трудное положение, враг все сильнее и сильнее наседавал на поредевшие ряды нашей пехоты, и в один из дней мы увидели, что пехотинцы стали отходить. Увидя это, и нам, минометчикам, пришлось сниматься с огневых и под яростный огонь противника переходить на новый огневой рубеж. Это был первый наш отход с занимаемых позиций за всю войну. Подошло подкрепление или пришла на смену одной другая, отдохнувшая, пополненная людьми, пехотная часть, и положение на

этом рубеже стабилизировалось, а после нас перебросили на другой участок фронта, где гитлеровцы создавали перевес в силах и видимость, что сил этих у них еще много. На самом деле все эти потуги гитлеровского командования создавали лишь видимость того, что фашисты сильны, а фактически дело шло к неминуемой развязке.

**19 марта 1945 года** (как раз это был день моего рождения) мы ночью переехали через какой-то канал (каналов очень много в Венгрии) и оказались в городке Шиофок. Маленькая стоянка – и вскоре мы приехали на станцию Балатон. Это курортное место в Венгрии. Прежде здесь были дачи капиталистов, а ныне это места отдыха трудящихся социалистической Венгрии.

Разместились мы в подвале дачных домиков, а огневые позиции были в районе дач. Буквально на другой же день враг обрушил на нас все, что он стянул сюда с других участков фронта. Бои закипели с невероятным ожесточением. Грохот от разрывов и выстрелов стоял такой, что с трудом возможно было услышать голос свой и голос своего товарища. При поддержке авиации, танков, артиллерии, минометов гитлеровцы яростно пошли в атаку.

То и дело рвалась связь, и наши героические связисты под огнем врага восстанавливали порывы. Мы вели огонь по атакующей пехоте и огневым точкам фашистов, нанося врагу чувствительные потери. На немецкие танки вышли наши, и так продолжалось четыре дня, к исходу этого срока противник выдохся и вынужден был перейти к обороне. Так и следовало ожидать, потому что описываемые события происходили в то время, когда инициатива в боях давно перешла к Советской армии, а немцам ничего не оставалось, как сдавать позицию за позицией.

За мужество и отвагу в боях на озере Балатон всему личному составу полка была объявлена благодарность маршала Советского Союза товарища Сталина.

Далее мне запомнились бои 26 марта 1945 года за селение Чекель и гибель старшего врача полка Самсонова В.Е. Я лично знал старшего врача и потерю его болезненно переживал. А дело было так. В этот день по каким-то надобностям мне пришлось быть в части полка. С утра разгорелся бой за с. Чекель. Немцы упорно оборонялись, переходя в контратаки. Наши минометы полка вместе

с артиллерией из других частей массированным огнем помогли пехоте выбить врага из траншей, и он оставил восточную окраину села и стал отходить к западной. На западной окраине шел еще жаркий бой, а санитарная машина полка по дорожной колее тихо, на малом газу, входила в село на восточной окраине. Я со своими товарищами шел с левой стороны по ходу машины, а старший врач стоял на крыле справа, держась за окно кабины.

В кабине был один шофер, а военфельдшер Нехай был в машине. Какой-то миг – и раздался сильный взрыв, меня взрывной волной бросило в щель, находившуюся рядом с тропинкой, по которой мы шли с товарищами. Помнится, что я оказался сверху, а подо мной был еще какой-то однополчанин. Мне подумалось, что это разорвался снаряд или мина, и я как-то машинально ощупал себя, хотел убедиться, не ранен ли. Далее я услышал стоны тяжело раненного старшего врача полка, который, не потеряв сознания, рассказывал военфельдшеру Нехаю, как нужно ему делать перевязку. Оказалось, что санитарная машина наехала на мину, видимо противотанковую, как раз правым передним скатом, силой взрыва капитан Самсонов В.Е. был отброшен в сторону и ему перебило бедро.

В тяжелом состоянии увозили нашего старшего врача полка в госпиталь в г. Капошваре. Мы продвигались далее и уже спустя почти месяц узнали, что капитана Самсонова В.Е. не стало. После операции, очень тяжелой, он еще некоторое время жил, но потом, видно, сердце не выдержало, и молодой человек, которому в то время едва ли исполнилось 23 года, умер. Похоронен наш ст. врач полка в городе Капошваре, вдали от родины.

Далее нашему полку и нашей батарее довелось участвовать в освобождении г. Надъканижа, нефтеносного района Венгрии. Было это 1 апреля 1945 года. По сути дела, это были последние бои, когда еще враг сражался с отчаянием обреченного. Помнится, что огневые нашей батареи были на очень пологом склоне около переплетения дорог. Впереди в черном дыму виден был город нефтяников. Видимо, немцы или специально подожгли, или взорвали баки с нефтепродуктами. Хорошо понимая, что бои вошли в завершающую стадию, мы особенно старательно вели беглый огонь по врагу, каждый на своем месте работал как мастер своего дела. Авиация противника не

проявляла активности, но его артиллерия и минометы обстреливали наши огневые позиции. Как не дорог был для противника нефтеносный район Надьканижа, но удержать его было нечем, инициатива была давно на нашей стороне. Поэтому вскоре же город Надьканижа был полностью освобожден от гитлеровцев и они стали отходить дальше к границам Австрии.

За мужество и отвагу проявленные в боях за освобождение Надьканижа, нашему полку и другим воинским частям, которые участвовали в этой операции, была объявлена благодарность маршала Советского Союза товарища Сталина.

Вскоре же мы узнали радостную весть – за стойкость и мужество в боях с фашистами в Венгрии, полк наш был награжден орденом Александра Невского.

За бои в Венгрии была награждена и большая группа воинов полка, а также нашей первой батареи. Я был награжден медалью «За боевые заслуги».

Чтобы закончить рассказ о боевых делах полка в Венгрии, мне осталось еще описать памятные дни пребывания на венгерской земле. Было это в начале ноября месяца 1944 года, когда мы стояли на переправе через Дунай вблизи от городка Бездан.

Хронологически это воспоминание следует поставить первым и за ним только рассказать то, что записано о городе Бичке.

Итак, после непродолжительных остановок на пути из Югославии, в Даводе, Надьбарачке полк дислоцировался на переправе через Дунай. Огневые позиции первой батареи были расположены в стороне от городка Бездан, на склоне к реке Дунай. Переправа нам была очень нужна, но враг упорно не давал возможности пользоваться ею, днем беспрерывно бомбил, а ночью обстреливал ее. В одну из ночей повел свою автомашину на переправу ст. сержант Корчебный С.С. Когда машина подошла к переправе, немцы, пристреляв ранее место стоянки автомашин, совершили огневой налет, и один снаряд разорвался вблизи автомашины и ст. сержант Корчебный С.С. был убит. На другой день, во время вражеского обстрела огневых, были убиты еще два лучших минометчика первой батареи сержант Шепелев В.А. и старший сержант Пимонов Ф.А. Их окопчик находился рядом с деревом и

снаряд угодил в ствол, разорвался и все осколки направились в щель, в которой были свободные от огня наши сталинградцы.

Так бывало на войне, что люди погибали в укрытиях, и вместе с тем оставались живы и невредимы те, кто всю войну был на передовой, в разведке или восстанавливал линию связи под артиллерийским и минометным огнем.

Наши погибшие однополчане похоронены на кладбище в городке Бездан в Венгрии.

Как не мешали нам с переправой фашисты, мы все же перебрались на правый берег Дуная и далее уже дислоцировались в следующих населенных пунктах: Киш Топоца, Шиклош, Харкань, Кемеш, Вайсло, Шеллие, Пустосемеш, Фельше Ирег, Аба Сентиванпуста, Февеньи, Шерпентеле, Ловашберень, Саар, Фельше Галла, Майк, Арки, Бодмер, Тарян, Обарок и потом были Бичке, о пребывании в которых мною рассказано выше. Я привел этот перечень венгерских селений для того, чтобы было понятно, что в Венгрии нашему полку и первой батарее пришлось действовать во многих местах, но особенно запомнились те, о которых я рассказал выше.

Хочу несколько слов сказать о том, как к русскому солдату относились жители венгерских селений, где пришлось нам находиться. Мне не раз довелось заходить в дома, и что мне бросалось в глаза, это нигде я не видел мужчин, не только молодых, которые все были в армии и воевали против нас, но и стариков.

Видно Гитлер потребовал от тогдашних правителей Венгрии, чтобы все мужчины были на военной службе и сражались против Советской армии. Обычно в домах мы видели молодых женщин с грудными детьми, которые в страхе шарахались от нас подальше от двери, думая, что мы обидим их. Очевидно гитлеровская пропаганда постаралась внушить венгерскому народу, что Советская армия несет им все недоброе, а русские солдаты самые нехорошие люди.

Конечно, мы не делали ничего плохого жителям Венгрии, хотя они нам вместе с гитлеровцами причинили много горя. Мы пришли в Венгрию для того, чтобы покончить с фашизмом, изгнать гитлеровцев из этой страны, дав возможность венгерскому народу самому решать свою судьбу.

## VIII. ПОЛК В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ АВСТРИИ

8 апреля 1945 года мы оставили освобожденную от фашистов Венгрию и передислоцировались в соседнюю страну – Австрию. Нужно было добивать гитлеровцев и нести освобождение и австрийскому народу, который был в числе первых лишен самостоятельности во время гитлеровского аншлюса в 1938 году. Нам было также известно, что Австрия была втянута фашистской Германией в войну против Советского Союза, и немало австрийских фашистов воевало против нас. Да ведь и Гитлер был выходец из Австрии.

В Австрии мы дислоцировались сначала в селении Фрутген, затем в местечке Штраден. Все дни апреля противник не проявлял активности, огонь вел редко, так же как и мы. Было видно по всему, что дело шло к концу войны. И вот наступил этот долгожданный день, **День ПОБЕДЫ**. Было это 8 мая часа в два вечера по местному времени. Солдатское радио, оно и здесь помогло нам узнать, что войне конец, что враг капитулировал. Мы от радости не знали, что делать, как-то не верилось, что тяжелейшие испытания, выпавшие на долю советского народа, кончились, что мы снова вернемся к мирному труду. 9 мая 1945 года все подтвердилось, **ДЕНЬ ПОБЕДЫ** мы отмечали как самый большой, самый радостный праздник.

Закончилась Великая Отечественная война, в которой принимал участие и наш славный 140-й минометный полк. Мне на ум приходит сравнение нашего полка с малюсеньким ручейком, впадающим в могучую реку – Советскую армию, которая смыла с лица земли ненавистный фашизм и утвердила на нашей планете **МИР**. Как было не гордиться тем, что я был солдатом Великой Освободительной Армии?

Для того, чтобы закончить мои короткие воспоминания о годах войны, необходимо привести здесь фамилии минометчиков, в основном сталинградцев, которые были гордостью полка. Большинство из них были коммунисты и комсомольцы, они во всех боях показывали образцы мужества, самоотверженности и отваги. При этом я вспомню и тех, кто не дожил до **ДНЯ ПОБЕДЫ** и отдал свою жизнь за **РОДИНУ**. Начну со **связистов**, так как без надежной связи нет эффективного огня – значит нет боевого успеха.

Тушнов С.М., Фирсов В.П., Баканов В.С., Петросян Г.Х., Кириллов Г.И., Дубин Ю.И., Збарский А.В., Малышев В.И., Бордачев Ф.К., Куликов В.В., Штурнов И.И., Лихачевский В., Щербина Б., Смагленко Е.П., Апухтина Е.А. и некоторые другие.

**Разведчики:** Рохманько, Сметанин М.И., Прилуцкий В.Я., Петров К.В., Колшенский В.П., Кругляков П.Т., Золотухин Ю.С., Каменщиков М.М., Ануфриев, Денисов М.П., Амиров Р.С. и некоторые другие.

**Огневики:** Цыкатунов Г.С., Нестеров П.С., Шепелев В.А., Пимонов Ф.А., Мазин П.М., Кондраков Г.В., Симонов Н.К., Еров Н.Ф., Михайлов В.А., Зайцев А.В., Комаров В.К., Братусенко П.В., Панченко В.Н. и некоторые другие.

**Водители:** Корчебный С.С., Абельдинов Б., Гольд Г.С., Бочаров, Чеботарев, Слепов С.И., Батаев П.Т., Ефремов П.Е., Куликов Н.П. и некоторые другие.

**Офицеры:** Лой И.И., Куликов А.П., Силантьев П.И., Влазнев И.А., Архипович Н.А., Кляйкин А.Г., Артамонов Н.Н., Поклонский А.С., Акодес М.И., Зеликович И.П., Маркушевский П.Т., Шут П.А., Ямницкий В.Ю., Стафеев В.Н., Васильченко Д.Н., Смагленко Ф.П., Белокобыльский А.А., Орлов И.Г., Лысогорский Е.Э., Исаченко Н.Е., Зубович А.М., Альперович Р.Р. и некоторые другие.

## IX. СЛУЖБА В ВОЕННОЙ КОМЕНДАТУРЕ ГОРОДА БАДЕНА

Вскоре после ДНЯ ПОБЕДЫ мне пришлось как-то возвращаться на «виллисе» из бригады с командиром полка. По дороге он мне сказал, что им получено распоряжение штаба фронта об откомандировании из полка всех рядовых воинов с высшим образованием. Это распоряжение прямо касалось меня и еще двух однополчан. Не знаю до сих пор, почему командир полка предложил мне остаться в полку, обещая все уладить, если я захочу не уходить из полка. Помню, он говорил, что отзывают из частей лиц с высшим образованием для того, чтобы послать их на офицерские курсы, что год мой демобилизуют, а мне придется учиться. Опять не знаю почему, но я упорно твердил свое, что раз есть распоряжение, то его нужно выполнять.

В эту же ночь, как мы приехали в расположение части, мне подготовили документ, а по распоряжению командира дивизиона майора Куликова А.П. кладовщик Голиков И.А. снабдил меня трофейной мануфактурой (подарок мне и семье), зная, что в полк я уже не вернусь.

Рано утром, распрощавшись с товарищами, я убыл из части в запасной полк. Все это было как будто вчера, а ведь прошло уже 30 лет. Не помню названия селения, куда собрали нас со всего фронта, но приехало человек 150. Мы были с однополчанином Архиповым, он по образованию являлся инженером-металлургом. Поселили нас в школе в зале на полу, выстеленном соломой. Пока занимались распределением нас по комендатурам, готовили документы, мы скучали, бродили по селу, отдыхали. Здесь мы узнали точно для чего нас собрали. Мы должны были работать в военных комендатурах. Часть – экономистами по демонтажу оборудования, часть – завделами. Видимо, через день или два нам, группе из пяти человек, пришлось ехать в г. Медлинг в трофейное управление фронта. Одному из нас дали на руки пакет, и мы на какой-то попутной машине к вечеру добрались до городка Медлинга. Надо было где-то заночевать, и мы, не задумываясь долго, подошли к первому домику на окраине города и постучали в ворота. Открыл нам калитку мужчина, мы поздоровались, и как могли жестами объяснили, что нам нужно было бы переночевать. Хозяин гостеприимно пригласил нас к себе.



Через несколько минут мы уже сидели на крылечке аккуратненького чистенького дворика и отдыхали с дороги. Помолчав немного, хозяин, мужчина лет 45, попросил нас спеть им, т.е. ему и двум дочерям, какую-нибудь русскую народную песню. Что было делать, просьба законная. Я, видно, один из пяти человек немного мог петь и поэтому попросил гитару, с удовольствием спел новым австрийским знакомым популярную русскую песню «Вот мчится тройка почтовая». И дочки, и хозяин от души аплодировали мне. Далее нашим хозяевам захотелось посмотреть и русскую пляску. На счастье, один из нас был смелый, да и умел немного плясать. Я ему проаккомпанировал русскую, и он, как мог, сплясал. Снова аплодисменты наших слушателей.

После нас пригласили в комнату и познакомили с австрийскими народными песнями. Отец сел за пианино, а дочь взяла скрипку, и мы с удовольствием прослушали австрийские песни – песни, мелодичные и чем-то напоминающие Штраусовские вальсы.

Пролетела быстро майская ночь 1945 года, и утром, распрощавшись с австрийской семьей, мы направились в трофейное управление фронта за назначением. Ждать нам пришлось недолго и, получив на руки предписания, мы, случайные спутники, распрощались и разъехались по разным комендатурам. Меня назначили завделопроизводством помощника коменданта по хозвопросам г. Бадена. Ехать мне было близко, и в этот же день я явился к коменданту с назначением, а на другой день меня уже знакомили с делом, которым я должен был заниматься.

Моим непосредственным начальником был помощник коменданта по хозвопросам ст. лейтенант Нуриев Х.Д., азербайджанец по национальности, экономист по образованию. Работа моя была очень простая, и я легко с ней освоился. Занимался я в отдельной комнате-приемной, откуда посетители проходили в кабинет моего начальника.

Зачислен я был на офицерскую должность, получал оклад как мл. лейтенант советскими деньгами и австрийскими шиллингами.

Жил я в отдельном доме на Элизабештрассе, в особняке, оставленном каким-то врачом фашистом.

В этом доме в подвале хранилось трофейное оружие и был склад вина. Мы с сержантом, а позже я один, жили в особняке, охраняя оружие, изъятое у австрийцев, и вино.

В чем же заключалась моя работа? Я должен был оформлять выдачу по нарядам трофейного имущества – шкафы, ковры, кресла, столы и прочее, – которое мы отпускали полковникам, генералам для мебелировки их служебных кабинетов.

Вся эта работа занимала у меня обычно 1,5–2 часа в день, а остальное время я то ходил и принимал серные ванны, то гулял по баденскому парку.

Баден – это живописный курортный городок Австрии, связанный электричкой со столицей Венной. В нем находятся естественные серные источники, которые использовались для лечения венскими богачами. Вот мы, освободители Австрии, и пользовались этими серными ваннами просто как душем. Помню, я все пять месяцев принимал ежедневно теплые серные ванны и чувствовал себя через месяц-два отлично.

Вспоминая сейчас, спустя 30 лет, все детали моего пребывания в военной комендатуре г. Баден в Австрии, мне хочется остановиться и рассказать о трех знаменательных событиях той моей жизни: моем знакомстве с переводчиком югославом Миланом Лоренчак, приезде в Баден из Москвы концертной бригады лучших наших артистов и передаче мной элеватора в селении Эбрайсдорфе представителю 2-го Украинского фронта.

В один из дней мая или начала июня я увидел в военной комендатуре нового переводчика, третьего по счету. Это был высокий, стройный, интересный молодой человек, с черными как смоль волосами. Всегда аккуратный, подтянутый он производил на людей приятное впечатление. Я поинтересовался, кто он по национальности, и когда мне сказали, что он югослав, мне сразу захотелось с ним познакомиться. Не помню уже, как у нас состоялось знакомство с Миланом Лоренчак, но помню хорошо, что мы скоро с ним сблизились. Я рассказал ему о том, как мне довелось освободить от фашистов его Родину – Югославию, о впечатлениях от встреч с партизанами, об освобождении столицы его отчизны Белграда. Он в свою очередь рассказал о себе.

Он был родом из Словении. После окончания гимназии он поехал учиться в Вену в академию художеств. Здесь пришлось ему жить в то время, когда гитлеровцы оккупировали Австрию, и до 1945 года, когда Советская армия освободила австрийскую землю от фашистов. Что он

делал в Вене, когда там хозяйничали немцы, я не знаю. Полагаю, что, чтобы существовать, ему пришлось где-то работать. Об этом я не особенно его расспрашивал. Интересно то, что Милан самостоятельно по какому-то самоучителю быстро изучил русский язык и довольно сносно говорил и писал по-русски. Вот это хотя и слабое знание русского языка очень пригодилось Милану, и он, очутившись каким-то образом в Бадене, попытал счастья и ему удалось устроиться третьим переводчиком в нашу военную комендатуру. Первая просьба Милана ко мне была помогать ему в совершенствовании знаний русского языка, на что я с удовольствием согласился.

Так мы с Миланом, можно сказать, стали товарищами. Должен заметить, что Милан был стеснительным, застенчивым человеком, никогда он не лез в глаза и виделись мы с ним не так уж часто, обычно эти встречи наши связывались с его работой над переводами. Бывало, он мне принесет перевод какого-то текста, данного ему комендантом, покажет, я его посмотрю и ничего не могу разобрать. Очевидно было, что Милан переводил немецкий текст на русский со словарем, дословно, и в результате понять такой перевод было очень трудно. Конечно, комендант такой перевод забраковал бы, и кто его знает, чем бы это кончилось?

В таких случаях я обычно говорил Милану, чтобы он зашел ко мне, в мою комнату, через час-два за своим переделанным переводом. Мне приходилось его фразы все перестраивать, делая их удобными для понимания. Вот так мы изредка встречались с моим югославским другом, не думая в ту пору о том, что эту дружбу с ним мы пронесем через всю нашу жизнь. А получилось именно так, о чем рассказ будет ниже.

За свою работу переводчиком Милан получал талоны на хлеб и жил этим. В ту пору купить продукты было невозможно нигде, и единственно, где был хлеб, это у военных. Поэтому и сделал Милан очень правильно, что пришел работать в военную комендатуру.

Так незаметно летело время, и подошла пора демобилизации. Такая, можно сказать, легкая жизнь на чужбине порядком надоела, и я с нетерпением ждал приказа о том, чтобы ехать домой.

Тут на память пришло мне стихотворение С. Есенина, которое как нельзя лучше отражает тогдашнее мое настроение:

Если крикнет рать святая  
Кинь ты Русь, живи в раю,  
Я скажу не надо рая,  
Дайте Родину мою.

Понять меня могут лишь люди, которые сами вот так же, как и я, подолгу жили за границей вдали от родных мест. Однако продолжу рассказ.

В один из дней октября месяца, придя на работу в комендатуру, я не увидел нигде Милана. На второй день тоже Милан не вышел на работу. Я понял, что мой югославский друг, наверное, заболел и лежит больной и голодный. Я взял две буханки хлеба, узнал адрес, где жил Милан, и пошел навестить товарища. Где-то в центре Бадена в каком-то переулке, на втором этаже я разыскал Милана. Когда я вошел в комнату, где жил мой друг, то увидел, что действительно он лежит в постели больной. Надо было видеть радость Милана, когда он, больной и голодный, увидел, что русский друг пришел его проведать.

Помнится, мы долго с ним беседовали, и он все благодарил меня за хлеб, который в то время расценивался в Австрии дороже золота. Узнав, что я демобилизуюсь и скоро буду уезжать домой, Милан поднялся с постели и написал мне свой адрес в Югославии, сказав, что будет рад получить от меня письмо из России. Зная, что два брата у меня художники, Милан подарил им два югославских журнала «Уметнисть» («Искусство»). Мы тепло простились с Миланом, не зная еще о том, что через 23 года нам было суждено с ним снова встретиться на его Родине. Однако об этом речь будет ниже.

А вот и второе знаменательное событие в моей жизни в Бадене. В августе из Москвы прилетела концертная бригада, составленная из суперзвезд советского искусства. Такого созвездия талантов одновременно я никогда прежде в жизни не слышал и, конечно, не услышу.

Скрипач Давид Ойстрах, виолончелист Святослав Кнушевицкий, пианист Лев Оборин, певцы Большого театра СССР Наталия Шпиллер и Алексей Иванов, гордость нашего балета того времени Галина Уланова в паре с Владимиром Преображенским. Они прилетели,

чтобы доставить огромную радость нам, воинам-победителям, и вместе с тем показать австрийцам, какого расцвета достигло советское искусство.

И нашим дорогим гостям это, конечно, вполне удалось сделать. Искренне сожалею, что в то время не было возможности отпечатать программу этого необыкновенного концерта. Поэтому я не смог запомнить все произведения, которые исполняли в тот вечер знаменитые мастера нашего искусства.

В назначенный час я был в городском театре. Небольшой зал театра был переполнен. Можно уверенно сказать, что в баденском театре никогда за все его существование не было столько зрителей, не ошибусь, если скажу, что на этот концерт попали счастливицы, а остальные слушали его по радио.

В основном в зале были военные, для кого, собственно, и предназначался концерт. Ведущий программу, помню, объявил первым Давида Ойстраха. Исполнял он «Славянский танец» Дворжака и «Пляску ведьм» Поганини. Блестящее исполнение сочеталось с глубоким проникновением в замыслы композиторов. Буря аплодисментов, но артист вышел вторично скромно поклонился и было объявлено, что выступает С. Кнушевицкий. К сожалению, я не помню, что исполнял большой мастер виолончели, и здесь игра была виртуозной. Снова аплодисменты, но все было рассчитано, больше двух произведений выступающие не исполняли. Следующим, помнится, был пианист Лев Оборин, профессор Московской консерватории. Играл он что-то из Шопена и Чайковского. Что можно было сказать об исполнении, оно было безупречным. Снова аплодисменты.

Потом пела Наталия Шпиллер, в то время одна из лучших солисток Большого театра. Исполняла она арию Лизы из «Пиковой дамы» и что-то еще. Конечно, и здесь долго не смолкающие аплодисменты и просьба спеть еще. Кажется, артистка порадовала нас еще несколькими номерами – это были арии, романсы.

Солист большого театра Алексей Иванов исполнял серенаду Дон Жуана Чайковского, арию Демона Рубинштейна и др. арии и романсы. Прекрасный баритон и мастерское исполнение всех номеров вызвали опять взрыв аплодисментов.

Закрывала концертную программу балетная пара – Галина Уланова и Владимир Преображенский. Исполняли они танец умирающего лебедя из балета «Лебединое озеро». Конечно, ничего подобного мы прежде не видели, поэтому и здесь зал восторженно аплодировал замечательным мастерам нашего балета.

Воины-победители за годы войны истосковались по духовной пище, а здесь мы услышали и увидели выдающихся артистов-исполнителей.

Конечно, все, кто слышал этот необыкновенный концерт, были восхищены им, и, безусловно, на каждого, кто его слышал, он произвел неизгладимое впечатление.

На другой день военный комендант Бадена майор Матюхов устроил в честь артистов концертной бригады банкет. К сожалению, мне не пришлось быть на этом банкете, но говорили после товарищи в комендатуре, что банкет был такой, который заслужили прославленные советские артисты. Австрийцы не ожидали, что русская культура, и в частности музыка и балет, достигли таких вершин, что Западу ничего другого не оставалось, как слушать, смотреть и восторгаться.

Перехожу к третьему тоже чем-то знаменательному событию тех уже далеких дней. В начале августа 1945 года мне пришлось по заданию коменданта быть в командировке в городе Эбрайсдорфе и передавать элеватор с зернопродуктами представителю 2-го Украинского фронта. В начале комендант послал на передачу элеватора экономиста комендатуры Пичугина, агронома по образованию. Ему и следовало ехать, но он отказался. За что его отчислили из комендатуры и направили в запасной полк. Я отказываться не стал, потому что находился в армии, а в армии от приказов не отказываются, а их выполняют.

Дали мне в помощь сержанта, и мы вдвоем сели в фаэтон, и лошадка нас повезла в Эбрайсдорф. Через два часа мы были на месте, а на следующий день начали работу. Когда я ехал на выполнение задания, не представлял себе, каким же образом мне удастся перевесить сотни тонн зернопродуктов. На деле все получилось значительно проще. Благодаря высокому уровню механизации трудоемких процессов на элеваторе, было за 10 дней перевешано свыше 1000 тонн зерна – пшеницы, ячменя, ржи.

Моя работа свелась к следующему. Каждое утро перед началом работы я приходил к главному бункеру с автоматом по перевешиванию и записывал с указателя три последние цифры. В конце рабочего дня я делал то же самое. После этого брал разницу, умножал на 70 кг (вес мешка с зерном), и у меня сразу получалась дневная выработка бригады австрийцев, которые работали на элеваторе. Если эта выработка была нормальной, все хорошо, если было сделано мало, то через переводчика я говорил бригадиру (он же был механик элеватора), что нужно ускорить работу.

И вот однажды, это было в субботу, мне нужно было договориться с женщинами австрийками, которые работали на элеваторе, чтобы они потрудились в воскресенье. Я обещал им за это по 5 кг зерна. Подумал, подумал, зачем мне звать переводчика, ведь я столько лет учил немецкий язык, неужели я сам не смогу договориться?

В конце рабочего дня я подошел к женщинам и, с трудом подбирая слова, стал им толковать о том, что нужно поработать в воскресенье и пр. Долго мучился я, но вижу, что женщины не понимают меня (они пожимали плечами). Что оставалось делать?

Я попросил сержанта, и он вскоре же пришел с переводчиком. Я сказал ему в чем дело, он сейчас же передал сказанное женщинам, те заулыбались, словом, сразу была достигнута договоренность. Ясно, что в школе, институте нас учили только умению работать со словарем, в разговорном немецком языке мы не практиковались, и в результате у меня вышел конфуз в Австрии.

В конечном итоге, элеватор, вернее содержимое элеватора, я передал по акту, который мы подписали с представителем 2-го Украинского фронта, таким образом задание, казавшееся мне таким трудным, выполнил.

Еще один маленький эпизод из моего баденского периода жизни. Большим праздником для нас, военнослужащих г. Бадена, было посещение кинотеатров, где демонстрировались наши фильмы. Помню, что шла наша картина «Музыкальная история» с участием С. Лемешева. На афишах она называлась по-немецки «Музыкалише гешихте». Я с удовольствием пошел в кино и пришел до открытия, видимо, за полчаса. У входа уже собралась толпа любителей кино, и больше всего было австрийцев. Одна старушка подошла ко мне и спрашивает

по-немецки, кто поет в этом фильме, фамилия артиста. Я ответил, что это поет С. Лемешев. Она мне говорит, что вчера была на этой картине и сегодня снова пришла, и с восторгом сказала, что это прекрасный голос. Мне приятно было слышать такое, и подумалось, какие же австрийцы музыкальные люди, как они понимают и любят искусство.

Итак, долгожданная демобилизация подошла. Всем офицерам, подлежащим демобилизации, по приказу коменданта выдали по офицерской посылке с набором всего, что нужно на первый случай нам, мужчинам, и нашим дорогим женщинам.

В день отъезда из Бадена в городок Тульн, меня до Вены подвез мой начальник Нуриев, а далее до Тульна подбросили попутные машины. В Тульне в трофейном батальоне мне пришлось находиться, видимо, с неделю, пока подбирались группы демобилизованных, готовились нам памятные грамоты и провиант на дорогу до дома. И вот наконец настал день, нас погрузили в эшелон, и мы двинулись к родным берегам. Должен сказать, что вот эти моменты – погрузка в эшелон, наш путь следования и затем приезд в Сталинград – как-то выпали у меня из памяти, и я о них ничего не могу сказать.



С глубоким  
уважением  
посвящаю моим  
товарищам -  
однополчанам,  
живым и павшим.

Автор

# ВОСПОМИНАНИЯ РЯДОВОГО МИНОМЕТЧИКА

П.А. Фильберт

г. Волгоград  
1976 г.

Первоначальный вариант обложки книги,  
изданной в пяти экземплярах вручную



Фильберт Петр Александрович  
(19.03.1909–08.10.1979).  
Красноармеец



Дорогой, любимой  
Школе Фридуос и  
Маме от Дёби  
209. Ваген - Мсиринг  
14 мая 1945г.

Фото, отправленное Фильберт П.А. родным из Австрии  
через месяц после Победы



Слева направо: старший сержант Пименов Ф.А.  
и сержант Мазин П.А.



Слева направо: ефрейтор Голиков И.А.  
и сержант Никифоров В. 1944 г., България



Слева направо: заместитель командира дивизиона  
по политчасти старший лейтенант Котомцев Н.П.,  
комсорг дивизиона сержант Лукаш И.  
и парторг дивизиона старший лейтенант Дозоров И.И.  
Болгария, 1944 г.



Личный состав третьей батареи.  
В центре, слева командир батареи старший лейтенант Лои И.И.  
Справа командир огневого взвода Дубей И.П. (1-й дивизион).  
Румыния, 1945 г.



Личный состав первой батареи.  
В центре, слева заместитель командира батареи  
старший лейтенант Артамонов Н.Н.  
Справа командир огневого взвода  
старший лейтенант Буцин Н. М.  
Румыния, 1945 г.



Слева направо: командир огневого взвода Шут П.А.,  
командир взвода управления дивизиона Прохоров Н.Т.,  
командир огневого взвода Антипин В.,  
старший по батарее Васильченко Д.Н.,  
командир батареи Степанов Н.И. (2-й дивизион).  
Болгария, 1944 г.





Личный состав приводит миномёты в боевую готовность



Местечко Штраден, в районе которого 8 мая 1945 г. полк победоносно завершил Великую Отечественную войну.  
Австрия, 1945 г.



Ветераны полка возлагают венок на Мамаевом кургане,  
9 мая 1965 г.



Встреча однополчан на месте бывших огневых позиций  
в районе озера Денежное,  
9 мая 1965 г.



Группа однополчан на Мамаевом кургане.  
Волгоград, 1970 г.



Вторая встреча ветеранов однополчан.  
Волгоград, май 1970 г.



Ветераны полка на открытии памятника-мемориала воинам  
140-го минометного полка. 8 сентября 1972 г.



Ветераны полка на открытии мемориальной доски  
140-го миномётного полка Р.Г.К.  
Волгоград, школа № 14, 9 мая 1974 г.



Фронтные друзья встретились вновь



Память о 19 ноября 1977 г. – День ракетных войск и артиллерии.

Группа однополчан, которым были вручены  
памятные знаки ветерана 62(8) Гвардейской армии.

Волгоград. Фото М.В. Курбатова



Мазин Павел Михайлович (1907–1986 гг.) – сержант,  
призван по мобилизации Ворошиловским РВК  
01.09.1942 г. в 140-й миномётный полк,  
09.1942–09.1943 гг. – наводчик миномёта,  
с 09.1943 г. – командир миномёта



Открытие памятника 140-му минометному ордену  
Александра Невского полку.  
Волгоград, школа № 14, 7 сентября 1972 г.



Стенды и экспонаты в музее МОУ СОШ № 14 в Волгограде, посвящённые 140-му минометному ордену Александра Невского полку



## Х. ПОСЛЕВОЕННАЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Итак, я дома. Не буду говорить о той радости, с которой я встретился со своими близкими, это все по-человечески понятно. Была и грусть, вернулся-то я один, а Мина осталась навечно часовым на дорогах войны. Провожали нас родные 13 мая 1943 года после Сталинградской битвы, а вернулся я в ноябре 1945 года, т.е. два с половиной года после боев под Сталинградом продолжалась еще ужаснейшая война.

Мои родные – мать и жена – думали, что я по дороге остановлюсь в Киеве у родственников и потом там останусь жить и работать. Демобилизованные воины в то время имели право останавливаться на жительство в любом городе Советского Союза, кроме Москвы и Ленинграда. Таким образом я вполне мог «бросить якорь» в Киеве, найти там работу, что было легким делом, квартиру и жить там, может быть неплохо. Ведь ехал я в разрушенный до тла Сталинград и, следовательно, на легкую жизнь не рассчитывал. Но пусть как хотят судят меня родные и дети, я остался верен городу, в котором прошла моя юность, где я учился в школе, где я прожил лучшие годы своей жизни. Знаю, что были и такие демобилизованные сталинградцы, которые после войны в Сталинград не вернулись и осели в других местах, но я поступил так, как подсказывали мне мое сердце и разум.

Жили мои родные в Бекетовке, как и многие сталинградцы, так как в городе в то время жить было негде. Ездить на работу супруге моей приходилось пригородным поездом, как и всем, кто трудился в городе, а жил в Бекетовке.

Отдохнув дней пять, я пошел искать работу, хотя нам и полагалось месяц отдыха. Сначала пошел в трест лесопитомников, находящийся в Бекетовке, там управляющим был мой хороший знакомый Якушенко С.М. Он сразу стал меня уговаривать поступать к ним специалистом-лесоводом. Но я не стал спешить с оформлением и пошел в управление Сталинградской железной дороги, которое находилось в городе на Коммунистической улице. В отделе кадров Службы пути тогда работал начальником Бондаренко Л.Н., с которым мы были знакомы. Он сразу же стал предлагать мне снова вернуться на транспорт в отдел живой защиты старшим инженером. Начальником

отдела живой защиты была Никулина Н.И., которая до войны была у меня заместителем, т.е. мы с ней поменялись местами. Я без колебаний дал согласие и вскоре же был оформлен и приступил к работе. Дело, которое я должен был делать, было мне знакомо по довоенному времени, и никаких указаний мне не требовалось. Это и планирование работ по живой защите, оказание помощи и контроль за работой райконтор, и, наконец, обеспечение работ всякого рода материалами. В конечном итоге вся наша деятельность сводилась к обеспечению выполнения плана работ райконторами. Все это было близко и понятно. Перезнакомившись со всеми сотрудниками службы пути, я вскоре же стал полноправным членом коллектива.

В конце 1946 года мне с большим трудом удалось получить одну комнату на Сталинграде II, на Вокзальной улице, где суждено было прожить 20 лет.

Оглядываясь сейчас на свою трудовую деятельность на транспорте (с 1945 по 1960 гг.), мне хочется остановиться и осветить здесь пять знаменательных событий, каждое из которых чем-то интересно. Все остальное время была повседневная работа, описывать ее нет необходимости. Начну с первого памятного события.

Где-то в феврале-марте 1949 года на нашу дорогу поступила телеграмма зам. министра путей сообщения (ЦЗ) т. Гаврилова о командировании меня в Министерство путей сообщения (МПС) сроком на пять дней. В телеграмме ничего не говорилось о том, с какими материалами ехать, и я на всякий случай решил прихватить все, что могло мне понадобиться. Надо сказать, что в 1949 году в МПС было создано самостоятельное управление защитных лесонасаждений, а на дорогах службы защитных лесонасаждений, тоже самостоятельные. Добился этого Носов Д.М., бывший начальник отдела живой защиты МПС, а в 1949 году он стал первым и последним начальником управления защитных лесонасаждений МПС.

Если когда-нибудь и кто-нибудь будет писать историю живых защит на транспорте, то имя Носова Д.М. в эту историю должно быть вписано золотыми буквами. Никто другой не сделал столько для процветания «зеленого друга» (живой защиты), для того чтобы она успешно работала на транспорте. Ведь никто другой, а Носов Д.М. добился в свое время выделения живой защиты из дистанций пути, он

же, кстати говоря, готовил исторический приказ 15-ц о развитии живых защит на железных дорогах. Это отступление от рассказа понадобилось мне для того, чтобы было понятно то, что я буду описывать дальше.

Москва 1949 год. Всегда я с большим желанием и интересом ехал в столицу, она как бы встряхивала нас, провинциалов, заставляя трудиться еще лучше, еще плодотворнее. Приехав в Москву, я естественно сразу пошел в свое управление защитных лесонасаждений, так как полагал, что вызывают меня они.

Разыскал я дом, в котором размещалось управление, а оно находилось где-то совсем в другом месте от главного здания МПС. Помню, что наше управление было внизу, на первом этаже дома в одной большой комнате. Где-то в глубине комнаты находился кабинет начальника управления. Войдя в помещение я подошел к секретарю и попросил ее доложить, что заместитель начальника службы защитных лесонасаждений Сталинградской прибыл и просит принять его. Долго ожидать мне не пришлось, Д.М. Носов вскоре же пригласил меня в кабинет. Войдя и поздоровавшись со своим самым большим начальником, я увидел, что это был брюнет, среднего роста, плотного сложения, круглолицый, розовощекий, с острыми пронизательными глазами. Видно, что энергия в то время бурлила в этом человеке. На вид ему было лет 35. Сразу же я спросил своего начальника по какому вопросу меня вызвали. Он ответил, что они, т.е. ЦПЛ, меня не вызывали, что вызывало меня, очевидно, Главное управление путевого хозяйства (ЦП) и что мне нужно ехать к ним. Я тогда поинтересовался, зачем же я понадобился ЦП? Носов Д.М. сказал мне, что по заданию министра сейчас работает комиссия по проверке деятельности ЦПЛ, и что меня вызвали, чтобы узнать, как руководит работами по живой защите на дорогах управление защитных лесонасаждений. Мне стало все ясно, и я простился с Д.М. Носовым и поехал в МПС. На прощание мне было сказано, чтобы после посещения ЦП я зашел снова в ЦПЛ.

Позже я узнал о том, что у Носова были обостренные отношения с ЦП Гавриловым, который после стал заместителем министра путей сообщения. И следовательно, вот эта проверка работы ЦПЛ – это тоже дело ЦЗ Гаврилова. Враги у Д.М. Носова были сильные, они-то позже и добились своего – упразднили ЦПЛ и снова подчинили живую защиту управлению пути.

Из ЦПЛ я поехал в МПС, взял пропуск, поднялся на третий этаж и принял меня какой-то работник ЦП в звании полковника. Узнав, что я со Сталинградской, он спросил, как у нас идут дела, как мы работаем. Я ответил, что работа идет, что планы выполняем, но стараемся работать еще лучше. Он немного подумал, потом открыл ящик своего письменного стола и достал Правила технической эксплуатации железных дорог (ПТЭ) и, показывая мне эту известную книжку, спросил, есть ли у нас вот такая инструкция по нашим работам.

Я, недолго думая, ответил этому полковнику, что такую книжку, одну для наших работ по живой защите, сделать невозможно, так как у нас сколько дорог, столько различных природных условий, и что инструкции по всем нашим работам мы пишем сами, исходя из местных условий. Что было делать незадачливому путейцу – убрал он в стол ПТЭ и, видимо, понял меня, потому что больше подобных вопросов не задавал.

Дальше полковник дал мне лист бумаги, на котором были подготовлены 15 вопросов, на них я должен был обстоятельно ответить. Посадили меня в отдельную комнату, и я стал обдумывать ответы на предложенные мне вопросы.

Сейчас я уже не припомню тех вопросов, но мне стало ясно, что путейцы ищут повода ликвидировать управление лесонасаждений, снова подчинить живую защиту управлениям пути, службам пути на дорогах.

Поняв это, я и ответы свои делал так, чтобы дать понять тем, кто писал эти вопросы, что деятельность ЦПЛ нас, работников линий, устраивает, что если в ЦПЛ и есть недостатки в руководстве, то эти недостатки не только в работе ЦПЛ, но они есть и в других управлениях и что их нетрудно объяснить.

Возникает вопрос, а нужно ли было Д.М. Носову добиваться выделения живой защиты из главного управления пути? Думаю, что ответ должен быть один, что это было необходимо, тем более в то время, когда на транспорте стали организовываться лесозащитные станции и большие механизированные лесопитомники.

Ведь в ту пору, когда существовали в МПС управления лесонасаждений, а на дорогах службы, живзащита была хозяином положения и все, что ей выделялось МПС, шло только по назначению. Это были идеальные условия работы. Понятно, путейцев не устраивала

вот эта самостоятельность живой защиты, и они всегда стремились подчинить ее себе.

Не помню уже, заходил ли я к Д.М. Носову после моего пребывания в ЦП, но это было уже и не так важно. Все, что зависело от меня, я сделал, чтобы сохранить управление лесонасаждений в МПС, а на дорогах – службы защитных лесонасаждений.

Возвратившись домой, я рассказал и дома, и на работе о моей интересной командировке и вскоре за повседневными делами стал забывать о поездке в МПС. И вот примерно через три месяца обстоятельства напомнили мне о ней. В июне-июле месяце 1949 года опять на дорогу поступила телеграмма заместителя министра путей сообщения т. Кулакова, на этот раз о командировании меня на Закавказскую железную дорогу сроком на 14 дней для разработки мероприятий по борьбе с горными обвалами на Кировоканской дистанции пути. Это было вторым знаменательным событием того времени. Сначала телеграмма меня озадачила, ведь я же никогда в жизни горными мелиорациями не занимался, и об этом, видимо, знали в управлении защитных лесонасаждений МПС.

Что было делать? Не ехать как-то неудобно, и я решаюсь ехать. Тут я подумал, что это Д.М. Носов устроил мне эту командировку, просто для того, чтобы расширить мой кругозор лесовода. Этим он хотел, видимо, выразить благодарность мне за доброе дело, которое я сделал для живой защиты в ту свою командировку в ЦП.

Я так это понял, да иначе и нельзя было понять. Ведь эта поездка для меня была, собственно, познавательной, так как сам я не мог из-за отсутствия опыта предложить что-то новое, тем более в борьбе с горными обвалами – злом весьма и весьма грозным и сложным. Одним словом, подчитав литературу, которой располагал, я отправился в Тбилиси. В отделе живой защиты Закавказском, помню, я начальника не застал на работе, он болел, и дело мне пришлось иметь со старшим инженером, фамилия которого, к сожалению, не сохранилась в моей памяти.

Одно помню, что человек этот оказался на редкость симпатичным и добрым, и он, собственно, помог мне разобраться с очень своеобразным природным явлением – горными обвалами, ознакомив с тем огромным ущербом, который они причиняют транспорту.

Как он рассказал мне, горные обвалы изучали многие специалисты Москвы, Тбилиси, но предложить что-либо радикальное и надежное не могли. Конечно, что же мог предложить я, лесовод, приехавший с дороги, на которой люди даже понятия не имеют о горных обвалах?

Что же такое горные обвалы и от чего они происходят? Представьте себе ущелье глубиной 100–120 м, по основанию которого протекает река. Где-то от реки метрах в 25–30, на искусственно сделанном уступе проходит полотно железной дороги, выше от железной дороги идет крутой, местами отвесный каменистый склон до самого верха, т.е. до равнинной части. Горные породы на этом обрывистом склоне под воздействием атмосферных агентов – воды, ветра и температурных колебаний, выветриваются и начинают постепенно выкрашиваться, отрываясь кусками разной величины они, падая, разрушают железнодорожный путь. Хорошо, если в момент падения камней в местах, где они ложатся, не бывает подвижного состава (поездов), иначе неизбежно крушение. По рассказам старожилов этих мест, такие крушения были.

Мы с моим коллегой, старшим инженером отдела живой защиты из Тбилиси, выехали до ст. Кировокан, а от этого города пошли пешком км 50–60 по всем обвалоопасным местам. Я вел необходимые записи для того, чтобы потом возможно было написать конкретно о мероприятиях по каждому обвалоопасному месту. Для меня, жителя равнинных условий и совершенно иной природной зоны, все было ново и интересно.

Я с удовольствием знакомился с богатейшей флорой Кавказа. Помогал мне в этом мой спутник, который, видно было, хорошо знал каждую травку, каждое деревце. Помню, мы проходили ст. Саноин, где родился А.И. Микоян, затем ст. Альверды и др.

Что же делается на местах для предотвращения обвала камней на железнодорожный путь? Издавна здесь кроме дорожных мастеров содержат так называемых обвальных мастеров и штат обвальных рабочих. Эти люди ежедневно обходят свои участки опасных мест и, если выявляются нависшие камни, то обвальные рабочие с помощью специальных орудий откалывают их и сбрасывают вниз на путь. Предварительно перегон закрывают, а путь укрепляют бетонными плитами, чтобы сохранить

рельсы и шпалы от разрушения. Обвальные рабочие спускаются на веревках к кускам горных пород, готовым оторваться и упасть на железнодорожное полотно. Вот так предупреждают обвалы горных пород. Это, конечно, правильно, но эта нужная работа все же обвальной проблемы не решает. Ведь могло случиться так, что обвальные мастера не обнаружат готовый оторваться камень, и вот вам разрушение пути, а возможно, и крушение. Мы самым добросовестным образом облазили все обвалоопасные места и наметили мероприятия. Сюда входили: инженерные сооружения – это подпорные стенки и мощные бетонные козырьки-уловители, которые должны были преградить путь камням, оторвавшимся от стен обрывов, и облесительные работы. Облесение мы намечали на равнинных местах и на пологих склонах, где имелись рыхлые массы, на которых возможно было производить посадку.

Запомнился мне необычный пример приспособляемости растений к условиям внешней среды. При обследовании обвалоопасных участков в одном месте я увидел удивительную картину: дерево ясеня росло на скале, на камне, причем имело густо облиственную крону и здоровый вид. Как же оно росло, чем питалось? Очевидно, что корневая система ясеня располагалась по трещинам, где она находила все необходимое для своего роста.

Закончив обследование обвалоопасных мест, мы со своим коллегой, возвратились в Тбилиси. Еще раз просмотрев полевой материал, пополнив его кое-какими данными, я, простившись с новым знакомым, отбыл домой. По приезде в Сталинград я написал отчет об этой интересной командировке и отправил его в управление защитных лесонасаждений МПС.

А вот и третий знаменательный эпизод. Было это в мае 1950-го или 1951 года. Как-то позвонил мне начальник областного управления лесного хозяйства Грачев А.Г. и сказал, что по решению обкома КПСС меня включили в состав правительственной комиссии по проверке состояния гнездовых посевов дуба и дубрав промышленного значения в нашей области. Из Москвы к нам в город приехали крупные специалисты лесоводы, которые должны были по заданию Совета министров СССР принять участие в работе правительственной комиссии. В три бригады, которым надлежало проводить эту важную

работу, привлекались и опытные местные лесоводы из управления лесного хозяйства, с опытной лесомелиоративной станции, из управления железной дороги. Бригаду, в которой пришлось мне работать, возглавлял проф. Правдин Л.Ф. В нее кроме того входили лесовод института «Лесопроект» Щепинский Н.Н., научный сотрудник Сталинградской опытной лесомелиоративной станции Коблев Ю.Н. и директор Лещевского лесхоза Серебрянников В.Ф. В двух других бригадах руководителями были доцент Годунов Н.Т. и лесовод Министерства лесного хозяйства Ковалин. Состав двух бригад я не знал, но это были и местные лесоводы, и гости из Москвы.

Нашей бригаде довелось обследовать северные ЛВС (лесозащитные станции) – Дубовскую, Горно-Балыклейскую и Липовскую. Двум другим бригадам пришлось ехать на юг, в Калмыцкую республику. Вскоре же мы приступили к работе. Помню, что в Дубовской ЛВС, как и в двух других, мы сначала знакомились с общим состоянием гнездовых посевов дуба и дубрав, а потом закладывали пробные площади и делали пересчет того, что осталось от этих культур. Все выполняли сами, днем – полевая работа, а вечером – подсчет процентов сохранившихся дубков и выводы о состоянии. И так мы трудились, видимо, неделю, после чего стали обобщать свою работу.

Что же мы установили? Гнездовые посевы дуба под покровом сельскохозяйственных культур по существу погибли полностью, и площади, занятые этими посевами, подлежали перепашке. Каковы же причины столь печального вывода, к которому мы пришли? Причин была не одна, но основная из них – это порочность самой идеи создания дубовых насаждений под покровом сельхозкультур в засушливой степи на светлокаштановых почвах. Кроме того, дубки сеяли по плохо обработанной, мелковспаханной почве, часто по зяби, желудями, привезенными из Белоруссии, с пониженной всхожестью.

Что получалось? Первое время дубки, которые росли, скажем, под покровом ячменя, будучи затененными, развивались как будто неплохо, но потом, после скашивания ячменя, они попадали в жесткие условия, на солнцепек и суховей, и в массе гибли.

То же получалось с так называемыми дубравами промышленного значения. Меня удивляло тогда и удивляет теперь, как можно было



думать о дубравах промышленного значения в условиях Дубовского района нашей области? Да, правильно, в Дубовке действительно 200 лет тому назад росли дубравы и они были промышленного значения, но что мы видим сейчас? Дубы сохранились лишь в балках, на хороших почвах, с близкими грунтовыми водами. В открытой степи нет дубов. Очевидно, что за истекшие 200 лет значительно изменились климатические условия, а люди решили заставить дуб расти там, где он если бы и рос, то никогда не дал бы деловой древесины.

Мы, все члены бригады, свои данные передали Правдину Л.Ф., он подготовил выступление в обкоме КПСС, где состоялось совещание по итогам работы наших трех бригад. Присутствовавшие на совещании сначала заслушали выступления проф. Правдина, доцента Годунова и лесовода Ковалина, т.е. наших бригадиров, а после были выступления, которые лишь подтвердили правильность выводов руководителей бригад. По существу пришлось признать, что разумная идея о преобразовании природы в степной части нашей страны была опровержена бывшим в то время президентом Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В.И. Ленина Лысенко и его сторонниками, людьми, которые, хотели они того или нет, причинили государству огромный материальный ущерб.

Четвертым знаменательным событием в моей работе на транспорте в те годы было издание пособия для мастеров лесокультур применительно к условиям быв. Сталинградской железной дороги. А получилось это вот как. Однажды в 1951 году ко мне обратилась начальник дорожного дома техники т. Ковалева с просьбой написать книжечку по обмену опытом.

У нее в плане оставались неиспользованные средства по этой статье расходов. Я дал согласие поработать над брошюрой по живой защите. Мне хотелось написать пособие для мастеров лесокультур, в котором обобщить все передовое и новое, что применялось у нас на Сталинградской дороге и в лесхозах.

Кое-что у меня уже было написано и в рукописном виде рассылалось райконторам как инструкции. Остальное пришлось писать. Работал ночами, т.к. днем была служба в управлении дороги. Хотелось не только заработать, но и дать командирам живой защиты какое-то свое, железнодорожное пособие, поскольку в то время по

снегозащитным лесонасаждениям на транспорте ничего издано не было. В мечтах у меня было, чтобы каждая дорога, вот также обобщив свой опыт, написала бы такую книжечку, а впоследствии, если бы все их объединить вместе, это получился бы такой нужный труд, что ему не было бы цены.

Но не стало Сталинградской железной дороги, укрупнили другие дороги, снова в управлениях создали отделы живой защиты из 1–2 человек, и все пошло так, как хотели путейцы. О том золотом времени (1949 г.), которое я вспоминаю в этом очерке, люди узнают как о чем-то необыкновенном и далеком.

В своей книжечке я выступил против применявшихся в то время пятирядных лесополос с разрывами, рекомендуемых А.А. Поветьевым, и доказывал целесообразность создания однополосных насаждений с широкими 3-метровыми междурядьями. Я удовлетворен, что сейчас в Волгоградской дистанции защитных лесонасаждений такие лесополосы нашли себе применение. Считаю это лучшее, что можно рекомендовать сейчас на железных и автомобильных дорогах юго-востока страны.

Я счастлив, что за свою коротенькую жизнь сумел написать и издать маленький труд, и если еще он как-то помог в работе моим коллегам, то я счастлив вдвойне.

И последнее пятое событие в моей работе на транспорте в те годы было награждение меня медалью «За трудовое отличие».

Эта правительственная трудовая награда – признание моих скромных заслуг в работе на транспорте. Делу создания защитных лесонасаждений на железных дорогах я отдал самые лучшие молодые годы своей жизни и несмотря на то, что обстоятельства заставили меня уйти с транспорта, все равно я считаю себя лесоводом-железнодорожником.

После ликвидации сталинградской железной дороги мне пришлось работать в Арчединской райконторе живой защиты, но недолго. Мы с товарищем по работе добились открытия в Сталинграде райконторы и были рады, думая, что поездки наши в Сталинград кончились. Но нет, оказывается, они только начинались. Не прошло двух лет Сталинградскую райконтору тоже ликвидировали. Я уже решил было уходить с железной дороги, но в самый последний момент меня уговорили, и я согласился ехать в Аткарскую дистанцию защитных лесонасаждений.

Конечно, я не думал брать с собой семью и решил работать пока один, видя, что и здесь должность моя могла быть сокращена, да и дистанция не предоставляла мне квартиры.

Вскоре мне предложили работу в Морозовской дистанции защитных лесонасаждений на ст. Суровикино. Здесь было все же поближе от дома и можно было хотя бы по воскресеньям приезжать к семье. Наконец в марте 1960 года я решил уйти с транспорта и поступил в управление лесного хозяйства.

Что можно сказать о моей работе в управлении лесного хозяйства, а после в экспедиции «Союзгипролесхоз»? Об этом периоде в своей трудовой биографии я мало чего могу сказать, как и о работе после, перед уходом на пенсию, во ВНИАЛМИ. Все это была работа вынужденная, по необходимости, любимое мое дело я потерял уйдя с железной дороги. Как я ни старался делать все добросовестно и хорошо, не всегда у меня так получалось и, самое главное, сам я не чувствовал удовлетворенности от этих работ.

Особо коротко скажу о предпенсионной работе во Всесоюзном научно-исследовательском институте агролесомелиорации (ВНИАЛМИ). Работа во ВНИАЛМИ в отделе полезащитного лесоразведения дала возможность мне, с одной стороны, максимально использовать свой опыт по лесокультурам на транспорте, а с другой, значительно расширила мой кругозор специалиста лесоведа. Общение с учеными института было полезным как для меня, так и для них. Ведь во ВНИАЛМИ не было сотрудников, которые бы хорошо разбирались в теории и практике транспортного лесоразведения.

Свою работу во ВНИАЛМИ я всегда связываю с поездкой в Югославию в августе 1968 года. Однако прежде чем говорить мне о поездке в Югославию, я должен вкратце описать волнующее событие в моей жизни, а именно встречу моих однополчан в Сталинграде в 1965 году на 20-летие Победы.

Прежде чем организовать нам эту первую, безусловно, самую интересную встречу из всех последующих, оргкомитету этой встречи пришлось немало потрудиться. В то время инициатором наших полковых дел был А.В. Саранцев, который работал председателем народного контроля при центральном исполкоме райсовета. Работа в народном контроле, где Саранцев А.В. часто располагал временем,

позволяла ему много внимания уделять розыску однополчан, с чего мы с ним и начали большую и нужную работу.

Было это, видимо, в 1963 году, когда я работал в экспедиции «Союзгипролесхоза». В течение двух лет мы кропотливо и настойчиво писали запросы во все города, где могли проживать наши однополчане. Таким путем нам удалось отыскать многих товарищей, установить с ними связь. В этой работе нам помогали однополчане Филимонов В.Е., Симонов Н.К., Петросян Г.Х. и др. Позже к этой работе подключилась Смагленко В.П., живущая в Одессе, с помощью которой мы значительно пополнили список разысканных однополчан.

В 1964 году у нас возникла мысль организовать встречу однополчан на 20-летие Победы в 1965 году. Мы создали оргкомитет встречи в составе председателя Саранцева А.В. и членов: Петросяна Г.Х., Симонова Н.К., Ерова Н.Ф., Константинова Ф.Ф. и др.

Описать в подробностях эту первую встречу я не смогу (на это потребовалось бы много страниц воспоминаний), но важно отметить, что она положила начало последующим встречам по пятилетиям (вторая состоялась в 1970 г. и третья, юбилейная, на 30-летие Победы в 1975 г.), что она сблизила однополчан, укрепила фронтовое братство, – в этом заслуга первой встречи.

В музее школы № 14 на стендах мы видим фотографии, которые запечатлели незабываемые, волнующие моменты той встречи 1965 года. На одной из этих фотографий, когда однополчане собрались за Волгой, на вторых огневых позициях в районе озера Денежного (против завода «Красный Октябрь»), мы видим сына Сашу, ему в то время было 10 лет, он уговорил меня взять его с собой, и я рад, что Саша побывал с минометчиками-однополчанами, посмотрел на тех, кто когда-то, в грозные годы войны, вносил свой вклад в разгром фашистов.

## XI. ПОЕЗДКА В ЮГОСЛАВИЮ

Теперь мне самая пора рассказать о моей второй встрече с Миланом Лоренчак, с которым мы расстались в 1945 году в Австрии, в городе Бадене. Прежде чем осуществиться этой интереснейшей встрече, мы установили переписку с югославским другом, которая длилась много лет. Видимо, в 1960 г., разбирая как-то мои бумаги фронтовых лет, супруга нашла на пожелтевшую бумажечку, ту самую, на которой Милан в 1945 году написал свой домашний адрес, когда я посетил его больного в г. Бадене, в Австрии. Посмотрели мы тогда на записку Милана и решили, что можно уже писать в Югославию, с ней уже в то время установились дружеские отношения. Недолго думая я написал письмо Милану и стал ожидать. Прошло, видно, дней десять, и вот неожиданно пришел ответ от моего югославского друга, в котором он вспоминает о нашей с ним последней встрече в 1945 г., благодарит за хлеб, который тогда я принес ему, и спрашивает меня, чем он может отплатить мне за мое добро. Я тотчас же написал ему, что мне ничего от него не нужно, кроме того, что хочется переписываться с ним. Вот так мы установили переписку с моим югославским другом, которая продолжается до сей поры. А где-то в начале 1968 года Милан прислал мне, супруге и сыну официальное приглашение посетить Югославию, причем в приглашении говорилось, что нам обеспечивается жилье и питание сроком на 14 дней. В письмах Милан писал нам, что он лето 1968 года будет на своей даче в Вели Лошине на побережье Адриатического моря. Жил же он тогда и живет сейчас в городе Целье в Словении и работает в гимназии преподавателем.

Оформив как следует разрешение на поездку в Югославию, взяв билеты до Белграда и обратно, мы с супругой быстро собрались в дорогу. Из Волгограда мы уезжали скорым поездом с тем расчетом, чтобы в Москве пересесть на международный экспресс Москва–Белград (через Будапешт). Приехав в 11.00 в Москву, мы с трудом успели закомпостировать билеты и поспешили на Киевский вокзал, откуда в этот же день в 14.00 отправлялся поезд Москва–Белград. Успели, помню, и на поезд и кое-что купили на дорогу покушать. И вот мы в вагоне, заняли двухместное купе со

всеми удобствами, последнее прощание с Москвой, и поезд плавно отходит от перрона вокзала. Короткие остановки в Брянске, Киеве, Львове – и на третий день поезд наш прибыл на пограничную станцию Чоп. Здесь мы, пока нам меняли вагонные тележки на узкую колею, сдали в сберкассу все советские деньги, а на 300 рублей получили обменные документы. Два часа остановки на ст. Чоп – и мы снова в пути, и уже поезд нас мчит по венгерской земле. Ночь пролетела быстро, и рано утром следующего дня наш поезд медленно подходил к Белграду. Говорят, и говорят справедливо, что воротами любого города и, понятно, любой страны является железнодорожный вокзал, с которым знакомится приезжий человек. Так вот белградский вокзал, неотреставрированный и старый, производил такое впечатление, что стране Югославии в то время было не до столичного вокзала, видимо, были другие более неотложные нужды. Если бы Белграду да наш волгоградский вокзал, он был бы украшением города.

С помощью носильщика серба, немного знающего русский язык, мы сдали свой багаж в камеру хранения и пошли знакомиться с Белградом. Первым делом мне захотелось с дороги побриться, подстричься, словом привести себя в надлежащий вид.

Через площадь от вокзала мы увидели парикмахерскую и направились к ней. Я зашел в зал, один мастер мужчина был свободный, и я довольный, что не ожидать, сел к нему. Молча югослав начал меня «омолаживать». Когда он закончил стрижку и бритье, он принял-ся за массаж. За все процедуры с меня причиталось 5 динар, это на наши деньги 35 копеек. Рассчитавшись, я вышел из парикмахерской, и мы с супругой решили позавтракать. Зашли по пути в кафе, взяли по йогурту, это вроде нашего кефира, и по кусочку пышки, изготовленной из муки, молока и яиц, уплатили динар по 6, это по 40 наших копеек, и теперь пошли искать банк, чтобы получить обменные динары на сданные наши 300 руб. Не сразу мы нашли банк, пришлось потрудиться, останавливая, наверное, с десятков прохожих – жителей югославской столицы. Наконец и банк мы нашли, немного постояли в очереди, и нам выдали 4100 динар, взамен сданных 300 рублей.

Теперь оставалось закомпостировать билеты на обратный путь и можно было подумать о том, как достать билет на поезд до Риеки. Билеты я закомпостировал на поезд Белград–Москва на городской

железнодорожной станции, которая размещалась на улице Теразие, все это заняло у меня не более часа. На станции я узнал, что поезд Белград–Риека отправляется вечером, и на него билеты купить легко. Оставалось до вечера время, и мы пошли по Белграду, хотелось получше посмотреть этот город, за освобождение которого многие наши соотечественники отдали свои жизни. И мне ведь довелось быть в Белграде в то время и участвовать в его освобождении от гитлеровцев.

Сейчас Белград шумный, оживленный город, в нем всегда много туристов со всех стран мира. Правду говорят, что Югославия – страна туризма, ведь от туризма она получает ежегодно 30 млн долларов. В Белграде много старины и мало новых зданий, все «новое» сейчас переместилось в «Нови Београд», или «Новый Белград», который разделяет от старого города мост через Дунай. Жизнь в Белграде нам напомнила то время, когда у нас был НЭП, это 1925–1928 годы. Очень много кустарей, маленьких мастерских, в которых хозяева изготавливают то дамские сумки, то что-то другое для продажи на сторону. Белградцы одеваются скромно и опрятно, нищих мы не встречали нигде за все 14 дней нашего пребывания в братской стране. С кем бы нам не приходилось разговаривать, все югославы с большим уважением говорят о маршале Тито, первом президенте их страны. Портреты Тито, причем его одного, мы видели и на вокзале, и в парикмахерской, и на пароходе, на котором мы ехали от порта Риеки до Мали Лошиня.

Белградские магазины полны товаров, а вот покупателей мы видели мало. Таковы были наши первые впечатления о братской Югославии и Белграде. Придя вечером на вокзал, мы не без труда взяли билеты на поезд Белград–Риека и за одну ночь проехали всю эту маленькую страну, по своим размерам, видимо, такую же, как наша Сталинградская область. Утром мы были в портовом городе Риека на Адриатическом побережье. Взяв билеты на пароход до Мали Лошиня, мы дали телеграмму Милану о том, что будем у него вечером. Риека – большой портовый город Югославии, в котором находится судоверфь, где строятся суда для Советского Союза. Видимо, часа в два дня мы сели на пароход, а часов в восемь вечера стало смеркаться, мы по зеркальной глади Адриатики

тихонечко подплывали к нашей остановке Мали Лошиню, где должен был нас встречать Милан. Вот этот момент мне очень хорошо запомнился, словно было это не в 1968 году, а, скажем, год-два тому назад. Вообще-то говоря, вся эта поездка была самым приятным сном, так мало она походила на действительность. Итак, пароход медленно подходит к пирсу Мали Лошиня, а мы уже издалека увидели высокую фигуру Милана, в волнении прохаживающегося среди встречающих. Не успели мы сойти с парохода, как попали в объятия нашего друга.

Первый вопрос Милана был: «А где же Саша?» Мы ответили, что мы его проводили в пионерский лагерь. Приехал встречать нас Милан на своей автомашине «Рено», которую только что перед нашим приездом приобрел. Уложив с помощью нашего друга свои чемоданы в багажник, мы сели все в машину, и Милан повез нас на свою дачу в Вели Лошине. А для этого нужно было всего навсего пересечь остров, так как Вели Лошинь – это старинный курорт на Адриатике, который был с другой стороны Мали Лошиня, куда нас привез пароход из Риэки.

Вскоре же мы были «дома», на даче Милана, где прожили 12 безоблачных, счастливых дней. А на даче нас уже ждали Даринка, жена Милана, и его дочь Алёнушка и сын Примож. Поздоровались, расцеловались как самые близкие люди и сели за стол. Прежде всего мы преподнесли всем памятные подарки: Даринке и Алёнушке золотые перстеньки, Милану книгу «100 цветных репродукций Эрмитажа», бутылку «Столичной» и «Кокура», а Приможу богато иллюстрированную книгу «Чапаев».

Первый гост мы провозгласили за нашу встречу, потом за дружбу югославского и советского народов. Милан с удовольствием пил «Столичную», пил малюсенькими глоточками и причмокивал, прямо смаковал. Я удивился и говорил ему, что она же горькая, что у нас ее пьют и морщатся, а он все же хвалил нашу водку, говоря, что она мягкая и приятная. Мы были рады, что наши все подарки понравились друзьям.

Незаметно и быстро пролетел этот первый вечер в гостях у Милана. На ночлег мы пошли в отдельный домик, который нам добрый друг в основном отдал к нашему приезду. В этом домике были две кровати, столик и два стула. Сами хозяева жили в двух небольших



комнатках: в одной была столовая, и в ней жили Даринка с детьми, а в другой работал и ночевал Милан.

В маленьком дворике трудом Милана были посажены инжир, лимон, апельсин и всевозможные цветы. Все эти растения произрастали на камнях, в которых Милан кирками выдалбливал углубления для земли, завезенной откуда-то издалека. Милан был необыкновенный труженик, почти все он в своем дачном хозяйстве делал сам. Из двора Милана была видна лазурная Адриатика, и до моря было чуть более 100 метров.

Вели Лошинь – это благодатное место на Адриатическом побережье. Недаром этот курорт сделали постоянным местом своего пребывания итальянцы, немцы из ФРГ и французы. Русские здесь редкие гости, а по словам здешнего парикмахера, услугами которого мне пришлось пользоваться, я был первый. Утром наши друзья по сигналу гонга пригласили нас к завтраку, после чего мы до обеда гуляли в парке, познакомились с Вели Лошиным. Все было для нас здесь ново и интересно.

Так быстро потекли дни нашего счастливого пребывания в гостях у Милана. Побывав как-то на овощном рынке, мы стали каждое утро ходить за бананами, которые здесь стоили 5 динар за килограмм, это 35 коп. на наши деньги. Кушали сами и угощали Приможа и Алёнушку, да и Милан с Даринкой не отказывались. Вечером мы частенько собирались вместе и пели песни, мы друзьям русские, а они нам свои словенские, сербско-хорватские, македонские. Почти каждый день мы ходили на море и всякий раз испытывали большое наслаждение от купания в чудесных водах Адриатики.

Надо сказать, что режим питания, кухня югославских друзей совсем не похожи на наши. Кушали они тоже три раза в день, как и мы, но их завтраки, обеды, ужины были для нас жидковаты, мы у себя дома привыкли питаться плотнее, основательнее. Что поделаешь, мы были в гостях, а, как известно, в «чужой монастырь со своими уставами не ходят». Первые блюда обычно наши югославские друзья не готовят. Кушают они что-то напоминающее наши подливы с мясом и с различными острыми приправами. Такие блюда я кушал в Армении, Грузии. Вино в Югославии пьют, как компот, после еды.

Страна Югославия сейчас в вечном поиске новых более совершенных форм управления народным хозяйством. Интересно отметить, что директоров предприятий в Югославии не назначают, как у нас, а выбирают на общих собраниях заводов, фабрик.

Если избранный товарищ не оправдал надежд коллектива, то его без длинных проволочек, освобождают и заменяют другим. В помощь директору предприятия выделяется нечто вроде совета ветеранов труда, это лучшие производственники завода, которые оказывают большую помощь в работе избранному руководителю хозяйства. В Югославии это называют самоуправлением и гордятся тем, что эта форма управления предприятиями вполне себя оправдала.

Крупные заводы, транспорт в Югославии находятся в руках государства, а мелкие заводы кустарного типа все еще принадлежат частному сектору.

Быстро промчались дни нашего пребывания в Вели Лошине, и мы, тепло простившись с Миланом и его близкими, рано утром 22 июля отбыли в Риеку. Милан занял для нас хорошие места на пароходе, в салоне с буфетом. Мы, сидя в креслах, любовались и прощались с чудесной Адриатикой. В пути мы стали невольными свидетелями одной картины, о которой мне хочется рассказать.

К буфетной стойке, вскоре как мы отъехали от Мали Лошиня, подошла группа молодых людей, югославов. Они заказали себе по стопочке вина, выпили и стали петь свои югославские песни.

Всю дорогу ребята, обнявшись, стояли около стойки буфета и радовали нас своими своеобразными, мелодичными, приятными песнями. Мы с удовольствием почти всю дорогу слушали этот концерт югославской народной песни. В Риеке мы мысленно простились с нашими спутниками и пожелали им всего самого доброго.

Дальше наш путь лежал в г. Любляну, столицу Словении, самой маленькой и самой культурной республики Югославии. Любляна – зеленый, благоустроенный, уютный город, с множеством магазинов, столовых, кафе. Здесь всегда много туристов, которые где не бывают, а Любляну не минуют. В столице Словении университет, академия художеств, где учился Милан, и другие высшие и средние учебные заведения республики. Здесь живет и трудится учитель Милана, известный художник Югославии профессор Божидар Якац.

Распроставшись с гостеприимной Люблянкой, мы вечером сели на поезд, а уже утром были в Белграде, откуда вечером мы должны были выехать поездом Белград–Москва домой.

Все было рассчитано точно, но в Белграде у нас был свободный целый день, и его нужно было разумно использовать. Сдав в камеру хранения свои вещи, мы решили посетить гору Авала, где случилась катастрофа с нашим самолетом, на котором летела правительственная делегация, возглавляемая маршалом Советского Союза С.С. Бирюзовым. На месте, где разбился самолет, установлен памятник, который всегда посещают все советские люди, да и жители югославской столицы, отдавая этим дань уважения прославленным полководцам Великой Отечественной войны. Итак, мы вышли на одну из оживленных магистралей Белграда, улицу Теразие, подошли к автобусной остановке и остановились в нерешительности, в какую же нам сторону ехать, вправо или влево? И тут на наше счастье к нам подошел один белградец, югослав, и спросил нас, не русские ли мы? Мы подтвердили, что из России и что очень хотелось бы побывать на горе Авала и почтить память тех, кто погиб в авиационной катастрофе. Неожиданно у нас появился проводник, который охотно вызвался поехать с нами и все нам показать и обо всем нам рассказать. Оказалось, что новый наш друг, Жика Джорджевич, рабочий электромеханик одного из заводов Белграда. Он дважды уплатил за нас за проезд, а когда мы стали возражать, сказал нам, что мы его гости и что мы должны будем после поездки на гору Авала, поехать к нему, пообедать, посмотреть, как он живет. Мы, конечно, от души поблагодарили нашего доброго друга за приглашение и отказать ему побыть у него не могли. Одно было плохо, что Жика слабовато знал русский язык, а мы с трудом понимали его сербско-хорватский, но все равно мы были рады нашему новому знакомству.

Побыв у памятника и почтив память погибших, мы поехали к Жике. Ехали долго, живет Жика в Новом Белграде, на другом берегу Дуная. Добрались мы до него что-то около двух часов дня, изрядно устали и проголодались. Нас встретила хозяйка, жена Жики Нада, симпатичная женщина, похожая на цыганку.

Это была семья сербов, верных друзей русского народа. Ведь сербами были герои гражданской войны Олеко Дундич, Данила Сердич и др.

Сначала мы по тону поняли, что Нада стала пробирать своего супруга, что он так поздно пришел, но услышав от него, что он привел гостей из Советского Союза, она приветливо улыбнулась и стала собирать на стол. На обед была лапша с курятиной и фаршированный перец, а десертом были компот и пиво. Мы от души поблагодарили своих новых югославских друзей за гостеприимство, за чудесный обед. В это время детей – Рады и Анны – не было дома, они отдыхали где-то у родственников.

Жика показал нам свою квартиру, состоящую из двух комнат, у него телевизор, велосипед и в семье тот недостаток, который необходим. Я убедился в том, что югославские рабочие живут неплохо, и это было приятно отметить. Как и у нас часто бывает, в семье у Жики работает он и его супруга Нада. А время летело, а мы никак не могли наговориться, хотя и не все сразу понимали. Мы спешили, ведь было воскресенье, магазины могли не все работать, а нам нужно было кое-что купить на дорогу. Наши добрые знакомые Жика и Нада пошли проводить нас до автобусной остановки, расцеловались мы с ними как с самыми близкими людьми, и они еще долго махали нам на прощание, когда автобус увозил нас в сторону вокзала. На память Жика и Нада подарили нам свою фотографию, которая хранится сейчас в альбоме «Югославия». Эта неожиданная встреча в Белграде оставила у нас самое приятное воспоминание.

Приехав на вокзал, мы поспешили в продуктовый ларек, где успели купить все, что нам нужно было на дорогу. Итак, завершилась наша интересная поездка в братскую Югославию, о которой по приезде в Сталинград мы долгое время писали, рассказывали и дома, и на работе.

## **ХІІ. ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ШКОЛАХ И ВСТРЕЧИ ОДНОПОЛЧАН**

Пролетели 1968, 1969 годы, а в 1970-м в апреле месяце я ушел на пенсию. Хотя во Всесоюзном научно-исследовательском институте агролесомелиорации я был не такой уж старый работник, провожали меня всем коллективом тепло, вручили подарок и памятный адрес (последний ныне хранится в школе № 14 в школьном музее).

В памятном адресе товарищи, коллеги по работе кратко написали, на одной странице, весь мой жизненный путь, т.е. отразили и трудовые и боевые дела.

В 1970 году в мае месяце была вторая встреча однополчан, в которой принимал участие и я. На этой встрече по инициативе Маркушевского П.Т. было решено соорудить в нашем городе памятник-мемориал воинам полка, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Был образован оргкомитет по созданию памятника, в который включили и меня как казначея. С этой поры, т.е. по существу сразу же после ухода на пенсию, я начал общественную полковую работу. Надо сказать, что в это время я и начал болеть (расстройство нервной системы), лежал в больнице, диспансере, а возвратясь домой снова включался в работу. Порой было такое настроение, что хотелось передать кому-то другому сберегательную книжку и казначейские обязанности, но это сделать было некому и приходилось, болея, выполнять поручение однополчан.

Средства на сооружение памятника начали поступать с 1970 года, и переводы шли до 1972-го, т.е. до самого открытия памятника-мемориала. Попутно со сбором средств мы с Петросяном Г.Х. начали хлопотать о разрешении на сооружение памятника. Были дважды в горисполкоме, в городском управлении культуры и выяснили, что сейчас памятники в городе разрешает создавать только Совет министров РСФСР. Нужен был проект памятника, решение горисполкома, заключение районного архитектора об отводе места и другие документы. По всему было видно, что, действуя законным путем, мы ничего не добьемся, и собранные средства придется рассылать обратно однополчанам. Все эти хождения по учреждениям мне приходилось осуществлять самому, лишь изредка привлекая к этому Петросяна Г.Х. и Мазина П.М.

Первоначально место для сооружения памятника мы намечали около школы-интерната № 2 в Дзержинском районе, потом – в Краснооктябрьском районе и последний вариант был в Советском районе, на Дар-горе. Посоветовавшись с однополчанами мы решили поставить памятник-мемориал около средней школы № 14, в районе которой располагались последние огневые позиции полка в 1943 году. Пригласили районного архитектора, который подтвердил, что в ближайшей перспективе (10–15 лет) около школы не будет создаваться никаких построек. Было вынесено решение Советского исполкома райсовета об установке мемориальной доски на школе № 14. Все это помог нам сделать мой знакомый председатель районного общества охраны памятников истории и культуры Никуличев В.П., без помощи которого мы не сумели бы сделать ничего. В последний момент, когда мастерские общества охраны памятников истории и культуры потребовали от нас решение исполкома райсовета на сооружение нашего памятника-мемориала, Никуличев В.П. по телефону подтвердил, что такое решение есть (а оно было на устройство мемориальной доски) и мастерские взялись за работу, и вскоре наш памятник был готов. В 1972 году 8 сентября мы пригласили на торжества по открытию мемориала однополчан из Одессы, Киева, Краснодара, и наше детище, которому мы посвятили более двух лет хлопот, было открыто. Конечно же мы были довольны тем, что дело это, казавшееся невозможным, было сделано. Таким образом, мы, живые однополчане, выполнили свой долг перед памятью погибших товарищей. Об этом событии мы подготовили и разослали всем однополчанам письмо, которое составил председатель оргкомитета Маркушевский П.Т. Теперь решено было дважды в год, 2 февраля и 9 мая, возлагать венки к памятнику-мемориалу, проводить это в торжественной обстановке, на линейке.

Так мы наладили военно-патриотическую работу в школе № 14, которая продолжается до сих пор.

В 1974 году, по инициативе директора средней школы № 14 Буланова Н.Е., мы взялись за создание комнаты боевой славы нашего полка. Весь 1974 год мы собирали фотографии однополчан, увеличивали их, готовили аннотации, искали художников-оформителей. Большую помощь оказали нам многие однополчане, которые отклик-

нулись на наши письма и стали помогать организовывать комнату славы. Огромную работу провела школа № 14, учителя, школьники, и в результате этого 9 мая 1975 года на нашей третьей юбилейной встрече однополчан, комната боевой славы была торжественно открыта. А в феврале месяце 1976 года специальная комиссия города вынесла решение преобразовать комнату боевой славы нашего полка в школьный музей боевой и трудовой славы 140-го минометного полка и 20-й мотострелковой бригады.

Теперь у нас в средней школе № 14 имеются: памятник-мемориал, мемориальная доска, посвященная героическим минометчикам полка, и школьный музей.

Чтобы подойти к сегодняшним дням моей жизни, необходимо будет коротко рассказать о юбилейной встрече однополчан 1975 года, председателем оргкомитета и казначеем которой мне довелось быть. Идея организовать эту встречу, для многих однополчан последнюю, принадлежит Е.П. Смагленко, она провела огромную организационную работу и, собственно, уговорила меня возглавить оргкомитет. Помню, что в письмах к ней я упорно отказывался от столь большой ответственности, но видя, что просто некому другому поручить это трудное дело, взялся за него. Я предвидел, что в этой работе неизбежны неувязки, срывы мероприятий, а значит будут недовольные, все это я знал, оно так и получилось. Отказаться мне от участия в работе оргкомитета значило сорвать встречу, а мне хотелось еще раз увидеться со своими товарищами-однополчанами.

Итак, оплачены венки, заказаны автобусы для экскурсии однополчан по городу, оплачен паром для поездки гостей за Волгу, достигнута договоренность с директорами средних школ № 14 и интерната № 2 о времени проведения торжественных линеек, достигнута договоренность со столовой о банкетах – встречном и прощальном, т.е. проделана оргкомитетом вся необходимая работа для успешного проведения встречи.

На встречу приехало свыше ста человек гостей, которые все разместились в школе-интернате № 2. И вот проведены все мероприятия по плану, и 9 мая все гости участвовали в самом волнующем из них шествии победителей – от центра города до Мамаева кургана. Мы шли в колонне Дзержинского района, где находится подшефная наша школа интернат № 2. Как только мы вышли на проспект им. В.И. Ленина, путь наш

весь был в живом людском коридоре. Нам скандировали жители города Волгограда здравицы, бросали цветы, и так до самого Мамаева кургана. После этого был прощальный банкет, на котором однополчанин Акодес М.И. высказал много теплых слов об организаторах юбилейной встречи, а в заключение нам троим – Смагленко Е.П., Петросяну Г.Х. и мне – преподнесли памятные подарки.

Так завершилась эта третья по счету юбилейная встреча, она стала памятным событием в жизни каждого однополчанина.

На этой последней встрече был избран совет ветеранов полка, и я стал заместителем председателя Совета ветеранов и по-прежнему казначеем. И так все пять лет нахождения на пенсии были у меня насыщены военно-патриотической работой в средних школах № 14 и школе-интернате № 2, и в совете ветеранов. Работа эта продолжается и по настоящее время.

*Рукопись «Воспоминаний» была любезно просмотрена писателем Сергеевым П.С. За сделанные им замечания приношу искреннюю благодарность.*

*Автор*



**ХРОНОЛОГИЧЕСКИ-ДИСЛОКАЦИОННЫЕ ДАННЫЕ**  
**140-ГО МИНОМЕТНОГО ОРДЕНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ПОЛКА**

**1942 год**

- 23.02. Котлубань, Самофаловка
- 17.07. Нижнечирская, Генеральский, с/х Юркина, Абганерово
- 01.09. Красный Буксир
- 11.09. о. Сарпинский, Бобыли
- 06.10. оз. Денежное, 3-д «Красный Октябрь»
- 06.10. Солянка
- 22.11. х. Калиниченков, Цыбенко
- 06.12. б. Самародная

**1943 год**

- 03.01. х. Цыбенко
- 15.01. б. Ягодная
- 17.01. овраг Мокрый
- 23.01. Воропоново
- 24.01. ст. Садовая
- 26.01. Сталинград, Дар-гора
- 29.01. Сталинград, Сов. больница
- 03.02. к/х им. Кирова
- 12.05. ст. Чапурники
- 14.05. ст-ца Тацинская
- 15.05. Глубокая
- 16.05. ст. Чертково, хутор Подгурский
- 15.06. Чертково
- 16.06. Евсуг
- 17.06. Варваровка
- 19.06. Кременная
- 10.07. с. Терны
- 11.07. Александровка
- 12.07. Красный Оскол
- 13.07. х. Шевченко

- 29.07. Богородичное  
06.08. Волхов Яр  
08.08. Яцково  
09.08. Сеничино  
19.08. Волхов Яр  
20.08. Моспаново  
22.08. Гайдары  
23.08. Беспаловка  
25.08. Казачка, Рог  
31.08. Клименковка  
04.09. Тарановка  
07.09. Клименковка  
14.09. Растанье  
15.09. Лозовеньки  
17.09. Максимовка  
20.09. Мироновка  
21.09. Князево  
03.10. Домаха  
15.10. Андреевка  
17.10. Новомиргородовка  
02.11. Варваровка  
08.11. х. Куликов  
29.11. Новосергеевский  
01.12. Андреевка

## **1944 год**

- 04.01. Николай-Поле  
05.01. Новопокровское  
07.01. Марьевка, Растанье  
12.01. ст. Лошкаревка  
24.01. балка Бульбина  
01.02. Приют  
02.02. Базавлук  
03.02. Желтая Каменка  
08.02. Апостолово

- 09.02. Первомайский  
11.02. Большая Костромка  
22.02. Андреевка  
24.02. Свердловка, Мережино  
29.02. Новокурская  
15.03. х. Зобережье, Ивановка  
30.03. Новый Буг  
06.04. Малоукраинка  
07.04. Новая Одесса, Спиридоновка  
14.04. Котовский  
17.04. Елизаветполе  
08.05. Малаешты, Бутор  
09.05. Спя  
11.05. Бутор  
29.05. Малаешты  
30.05. Глинное, Раскаецы  
14.06. Пуркари  
07.08. Талмаз  
21.08. Копчак  
22.08. Клястиц  
23.08. Чадыр Лунга  
24.08. Трифешть  
25.08. Киржа /Румыния/  
26.08. Рошканий  
27.08. Костаке Негри  
28.08. Галац  
29.08. Катуша  
05.09. Николицелулул, Констанца  
06.09. Кокарджа  
07.09. Четатя  
09.09. Рудник /Болгария/  
10.09. Бургас  
22.09. Безмер  
28.09. Казанлык  
29.09. София  
30.09. Видим

- 01.10. Брегово  
02.10. Смрдан  
19.10. Бошняк /Югославия/  
20.10. Ралья  
21.10. Железник, Умка  
23.10. Белград  
24.10. Гроцка  
25.10. Перлез  
27.10. Нови Врбас  
28.10. Кула  
01.11. Дорослово  
03.11. Давод /Венгрия/  
04.11. Надьбарачка  
08.11. Батина  
13.11. Апатин  
14.11. Дамба  
22.11. Переправа Батина  
27.11. Кнежеви Винограды  
28.11. Ягодняк  
29.11. Киш Тополца  
30.11. Шиклош  
02.12. Харкань  
03.12. Камеш  
04.12. Вайсло  
05.12. Шеллие  
06.12. Исванди  
07.12. Харкань  
09.12. Пустосемеш  
17.12. Фельше Ирег  
18.12. Аба  
19.12. Сентиванпуста  
20.12. Февеньи  
22.12. Шерпентеле  
23.12. Аба, Гардонь  
24.12. Ловашберень  
25.12. Саар

- 26.12. Фильше Галла
- 27.12. Вертишшампло
- 29.12. Майк
- 30.12. Арки

## 1945 год

- 02.01. Бодмер
- 03.01. Тарян, Токреш
- 04.01. Чабли
- 05.01. Оборок
- 08.01. Бички
- 10.02. Уйбарок
- 16.02. Энинг, Фекете
- 09.03. Сабашхидвег
- 11.03. Пель
- 12.03. Фани
- 19.03. Шиофок
- 23.03. Балатонкенеше
- 24.03. Капошвар
- 25.03. Сент Имре
- 26.03. Чекель
- 29.03. Фельше Богати
- 30.03. Инке
- 31.03. Михал
- 01.04. Надъканижа
- 03.04. Киш Чехи
- 04.04. Петешовци
- 05.04. Доклежовье
- 06.04. Крижевцы
- 07.04. Рогачевцы
- 08.04. Фруттен
- 17.04. Штраден /Австрия/
- 09.05. Бадэндорф
- 10.05. Лейбниц
- 12.05. Афрам Збильдон

17.05. Жида /Сентготтард/  
06.06. Дьер  
07.06. Дорог  
13.06. Пилищ  
16.06. Сапарфалу Сакалаши  
19.06. Ораде Маре  
17.06. Секедат  
29.06. Велчейе  
06.07. Сибиу  
13.07. Слободзия  
03.08. Сад  
04.08. Кошерени  
05.08. Бузеу  
07.08. Рымникул Серат  
16.09. Оанча  
18.09. Антоновка /Советский Союз/  
19.09. Котовское  
21.09. Данчень  
23.09. Красный Кут  
24.09. Катериновка  
02.10. Загнитков  
01.06. ПОЛК РАСФОРМИРОВАН

Составил ПНШ-І майор Смагленко

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|  |    |
|--|----|
| I. Детство. Школьные и студенческие годы .....   | 7  |
| II. Начало войны .....   | 9  |
| III. Сталинградская битва .....  | 11 |
| IV. Бои за освобождение Донбасса и Украины.....  | 28 |
| V. Полк в Болгарии .....   | 40 |
| VI. Бои за освобождение Югославии.....   | 44 |
| VII. Бои за освобождение Венгрии .....   | 48 |
| VIII. Полк в боях за освобождение Австрии.....   | 54 |
| IX. Служба в военной комендатуре города Бадена .....   | 56 |
| X. Послевоенная трудовая деятельность .....  | 65 |
| XI. Поездка в Югославию .....  | 77 |
| XII. Военно-патриотическая работа в школах<br>и встречи однополчан .....                         | 85 |
| Хронологически-дислокационные данные 140-го минометного<br>ордена Александра Невского полка..... | 89 |

Фильберт Петр Александрович  
**Воспоминания рядового минометчика**

Публикуется в авторской редакции

*Военно-исторический консультант С.В. Фадеев*  
*Художник-дизайнер Н.А. Бирюкова*  
*Технический редактор А.М. Тужилкин*  
*Корректор О. Павлова*

Подписано в печать 00.00.2015. Формат 60x84/16.  
Печать офсетная. Гарнитура ТАЙМС.  
Усл. печ. л. 6.51. Тираж 1000 экз. Заказ № 6126

Верстка произведена издательством  
ООО «ПринТерра-Дизайн»  
400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 88.  
Тел.: (8442) 23-87-01, 23-82-60, 23-32-81  
e-mail: mail@printerra.com

Отпечатано в типографии издательства «ПринТерра-Дизайн»